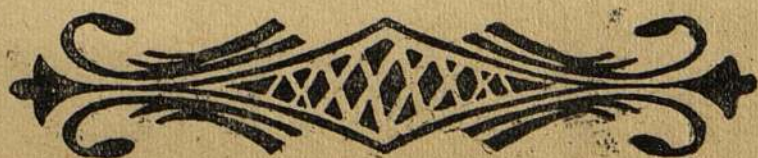

**ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ**

5

1948

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

№ 5

М А Й

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
МОСКВА 1948

СОДЕРЖАНИЕ

Официальная часть

Пасхальное Патриаршее послание	3
Ответ Патриарха Алексия на поздравления с 35-летием Его Епископства . . .	5
Указ Преосвященному Архиепископу Алеутскому и Северо-Американскому Макарию о ношении креста на клобуке.	6

Церковная жизнь

Речь Патриарха Алексия	7
К тридцатипятилетию служения в архиерейском сане Святейшего Патриарха Алексия	10
В Москве (Впечатления делегации Румынской Православной Церкви).	17

Речи, проповеди

<i>Митрополит Николай</i> . Награда	21
---	----

Статьи

<i>Протоиерей А. Смирнов</i> — Победитель смерти.	26
<i>Георгий Александров</i> Победная песнь	29
<i>Даниил Двинский</i> . Пасха в селе	31
<i>Г. А. „Величаем Тя“</i>	36
<i>Протоиерей Н. Скворцов</i> . О Д. С. Бортнянском	40
<i>Профессор И. Н. Шабатин</i> . Епископ Феофан Затворник и его духовное наследство	43

Из жизни наших епархий

Из Минской епархии	56
Из Алма-Атинской епархии	57
Правила приема в Московскую духовную семинарию	59

Издатель	Редактор
МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ	РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ

По всем редакционным делам обращаться к ответственному секретарю редакции
„Журнала Московской Патриархии“ протоиерею А. П. Смирнову — Москва, 34.
Чистый пер., 5, Редакция „Журнала Московской Патриархии“.

Отпечатано в 13-й типографии треста „Полиграфкнига“ ОГИЗа при Совете
Министров СССР. Москва, Денисовский, 30. Зак. 301.

Официальная часть

ПАСХАЛЬНОЕ ПРИВЕТСТВИЕ

АРХИПАСТЫРЯМ, ПАСТЫРЯМ И ВЕРНЫМ ЧАДАМ ПРАВОСЛАВНОЙ
РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Христос Воскресе!

«Очистим чувства, и узрим неприступ-
ным светом Воскресения Христа и, ра-
дуйтесь рекуща, ясно да услышим, побед-
ную поюще».

(Канон Пасхи)

Приветствую вас, отцы и братие, с радостным и светлым днем Воскресения Христова и, во имя воскресшего Господа нашего, простираю к вам целование радости и любви. И, поклоняясь вместе со всеми вами Христу воскресшему, молю Его благость, да благословит Он наше общение о имени Его и да дарует нам тот вожделенный мир, который Он оставил верным ученикам Своим.

Если бы мы могли чистым сердцем и очищенным духовным чувством проникнуть в силу Воскресения Христова, возводящую из бездн греха падший род человеческий, то сколько бы открылось нам новых источников радости, умиления, благодарения и благоговейного удивления!

Об этом и говорит нам Святая Церковь, призывая нас очистить чувства...

Но и одна мысль о том, что «Господь предан бысть за прегрешения наша и воста за оправдание наше» (Римлян. 4, 25) уже сколько света проливает в души наши, и сколько надежд подает нам на готовое для нас оправдание в жизни вечной!

И не потому ли так радостен для нас праздник Пасхи Христовой, что мы в эти дни верующим сердцем особенно чувствуем и предвкушаем вечную Пасху «в не вечернем дни Царствия Божия»?

Но для того, чтобы неотъемлемой и живой была наша радость, нам надлежит бережно хранить ее в чистой совести, ибо радость духовная может быть только у тех, чьи мысли чисты и поступки непорочны.

Оскорбление же небесной радости делами порочными или стремлениями греховными влечет за собою помрачение источников и земных радостей, о чем образно говорит нам св. пророк Иоиль: «виноград изше, и смоквы умалишася... и вся древа польская исхоша, яко посрамиша радость сынове человеци» (Иоил. 1, 12). Так можем мы потерять и внешние блага, если посралим радость небесную.

Радуюсь о Христе Иисусе воскресшем и вечно живом и действующем среди нас, возблагодарим Его и за те земные блага и чистые радости, которые Он дарует нам в спокойном и мирном строе жизни, наступившем в Отечестве нашем после бурных и страшных годин войны. Будем всеми силами способствовать укреплению мира; и каждый в меру сил своих вносить свою долю труда в общий созидательный труд умножения благоденствия народного с молитвою, да дарует Господь благословение Свое на труды наши; «да даст веселие в сердца наши»; и «да никтоже возмет радости нашей от нас», к чему так настойчиво стремятся чуждые нам противники мира, враги правды Божией и счастья русского народа.

Торжествуя в честь Господа нашего Иисуса Христа, пострадавшего ради нашего спасения и воскресшего из мертвых, не забудем очищать сердца наши, дабы светла была наша радость, и да сподобимся чистым сердцем славить Господа.

«Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оный». Аминь.

Христос Воскресе!

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

Пасха 1948 г. Москва.

ОТВЕТ
ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЯ
НА ПОЗДРАВЛЕНИЯ С 35-ЛЕТИЕМ ЕГО ЕПИСКОПСТВА

Благодарю Преосвященных, Настоятелей церквей, монашествующих, общины церковные и всех приславших мне приветствия по случаю 35-летия моего Епископства. Да исполнит Господь благие пожелания, выраженные мне, и да поможет мне до конца понести возложенное на меня Промыслом Божиим послушание во благо Св. Церкви и во спасение вверенных мне духовных паств.

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

28 апреля 1948 г. Москва.

УКАЗ
ПРЕОСВЯЩЕННОМУ АРХИЕПИСКОПУ АЛЕУТСКОМУ
И СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКОМУ МАКАРИЮ

Преосвященному Архиепископу Алеутскому и Северо-Американскому МАКАРИЮ, Экзарху Московской Патриархии, в связи с назначением его Экзархом и во внимание к его архипастырским трудам, присваивается право ношения креста на клобуке.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЙ

Москва 29.III.48 г. № 527.

Церковная жизнь

РЕЧЬ ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ В МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ НА ЧТЕНИИ О ЦЕРКОВНОМ ПЕНИИ

18 апреля 1948 года

В ряду вопросов, важных для каждого православного священнослужителя, не последнее место должен занять вопрос о правильной постановке церковного пения в православных храмах.

В храме Божиим, этом доме молитвы, — все: и иконография, и чтение, и пение, и самое внешнее и внутреннее устройство храма, — все должно служить одной цели: возбуждению и поддержанию молитвенного духа, назиданию и укреплению в вере. Все здесь должно дышать благоговением, возвышенным чувством, духовной красотой, умилять душу, назидать ее, возносить к небу.

В особенности это следует сказать о церковном пении, так как пение занимает одно из главных мест в ряду средств духовного воздействия на молящихся в храмах.

Церковное пение все состоит из молитвы: кто поет духовную песнь, тот молится. Первые певцы пред престолом Божиим — Ангелы Божии и святые. Они день и ночь непрестанно славят всемогущество Бога, Творца Вселенной: «взывают, — как читаем мы в одной молитве в чине Литургии св. Василия Великого, — един ко другому непрестанными усты, немолчными славословленьми».

В подражание Ангелам и святым установлено пение и на земных богослужениях Святой Церкви, когда и «Силы небесные с нами невидимо служат». И каждое богослужение неизменно сопровождается пением.

Нужно ли поэтому объяснять, почему необходимо принимать все меры к тому, чтобы церковное пение вполне отвечало своему высокому значению в православном богослужении?

В древней церкви так и было.

Как сама жизнь древних христиан, когда быть христианином значило то же, что быть святым, так и древние памятники религиозного творчества остаются вечными образцами для позднейших поколений. Такие храмы, как храмы св. Софии в Константинополе, такие проповедники, как св. Иоанн Златоуст, такие песнописцы, как св. Иоанн Дамаскин, Иосиф-песнописец и другие древние творцы церковных песнопений, — навсегда останутся идеалами церковного творчества. И в области церковного пения наша Церковь получила богатое наследство от своих предков.

Старинные церковные распевы являются самым лучшим выражением высоких религиозных настроений. Это и понятно, потому что творцами их были люди высокого религиозного духа, подвижники, святые, одарен-

ные тайной познания божественных звуков. И у нас на Руси во многих древних обителях до последнего времени можно было утешаться истинно церковным пением, слышать пение так называемых «подобных», прекрасное исполнение осмогласника и т. д.

К величайшему прискорбию приходится сказать, что в настоящее время это почти полностью утрачено, и вместо небесной музыки, какая слышалась в древних строгих и величественных распевах, мы слышим мирское легкомысленное сочетание звуков. И, таким образом, пение в храмах наших, особенно городских, совершенно не соответствует той цели, которую оно должно преследовать, и храм из дома молитвы часто превращается в зал бесплатных концертов, привлекающих «публику», а не молящихся, которые поневоле должны терпеть это отвлекающее их от молитвы пение.

Почти забыты древние трогательные церковные распевы — знаменные, греческие, болгарские, киевские даже в переложениях недавних хороших композиторов. В храме часто слышишь такую музыку, под которой уместно было бы подписать вовсе не те слова, которые поются, так как нет никакого соответствия между словами и музыкой.

Такое пение не только не возбуждает молитвенного настроения, но вызывает возмущение у богомольцев и слушается с удовольствием только теми, кто стоит в храме как в театре и кто пришел сюда не молиться, а ласкать слух привычными светскими мелодиями.

Нельзя без негодования видеть, как часто после пения «Ныне отпускаеши» на всеошном бдении эта «публика» валом валит из храма, или как она же устремляется вон после так называемого «концерта» на Литургии, пред самым явлением св. Даров, поклониться которым она считает для себя совершенно излишним.

В угоду такой «публике», а не богомольцам, регенты изошряются друг перед другом в подыскании и исполнении самых вычурных, самых, по их мнению, эффектных «номеров», в которых главное место отводится исполнению солистов, причем ради этих мнимых музыкальных эффектов иные композиторы даже имеют дерзость жертвовать текстом песнопений, пропуская слова или, наоборот, вводя слова, не имеющиеся в данном песнопении, или же повторяя некоторые слова, хотя на них нет логического удара....

Необходимо отметить, что «публика», ради которой так низкопоклонно стараются иные регенты, вовсе не щедра на пожертвования в пользу храма и хора. И правые хоры, поглощающие львиную долю храмового бюджета, содержатся на лепты тех богомольцев, религиозные требования которых совершенно игнорируются.

Что особенно прискорбно, — правые хоры считают своей обязанностью только нотное исполнение некоторых песнопений, а пение стихир, в которых излагается сущность праздника, предоставляется торопливому, невнятному и неумелому исполнению левого клироса, по большей части любителей, поющих без всякой предварительной подготовки, по одной в большинстве случаев книге, с трудом разбирая славянский текст.

И так как исполнение «номеров» правого хора занимает много времени, то опускается большая часть стихир, и производятся недопустимые сокращения церковного богослужения.

Все вышеизложенное говорит о том, что мы должны обратить самое тщательное внимание на дело церковного пения в наших храмах; что мы не имеем права игнорировать требования церковных людей, чтобы пение церковное соответствовало своей цели; что мы должны сделать все возможное для того, чтобы изгнать мирской дух из нашего церковного пения, обратиться к древним его прекрасным образцам, столь любезным сердцу верующего и молящегося православного христианина. Почин в

этом деле должен принадлежать Москве, как церковному центру нашего Отечества.

Чтобы эти пожелания стали действительностью, необходимо придется церковной власти принять ряд постановлений, регулирующих правильную постановку церковного пения, выработать список церковных композиций, разрешаемых к исполнению в православных храмах, и установить церковную цензуру, без разрешения которой ни одно новое произведение духовных композиторов не может исполняться в наших храмах.

Начало этому делу в пределах своей епархии положил Преосвященный Митрополит Ленинградский Григорий, который образовал комиссию для наблюдения за церковным пением в епархии и для авторитетного руководства делом церковного пения.

Я просил Л. Н. Парийского, много лет потрудившегося в области пения и руководства пением, в качестве церковного регента, сообщить нам свои мысли об этой важной части церковного богослужения, и, в частности, о желательных мерах для упорядочения церковного пения.

К ТРИДЦАТИПЯТИЛЕТИЮ СЛУЖЕНИЯ В АРХИЕРЕЙСКОМ САНЕ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ

(28 апреля/11 мая 1913 г. — 11 мая/28 апреля 1948 г.)

45 лет назад в журнале Московской Духовной Академии «Богословский Вестник» (1902 г., октябрь), было напечатано сообщение о пострижении в монашество одного из студентов Академии. В этом журнале о новопостриженном сообщалось следующее:

«По окончании курса в Лицее Цесаревича Николая он прошел полный курс по юридическому факультету Московского университета и затем отбывал воинскую повинность в войсках Московского округа. И происхождения, и диплом высшего учебного заведения, все это казалось, указывало даровитому юноше на иной жизненный путь, помимо уединенных стен Духовной Академии. И оставляя стогны шумных городов, мир земных утех и удовольствий, в 1900 г. он приходит под покров святой обители в уединенные стены Академии. Еще и не вступая в них, юное сердце уже жаждало всю жизнь свою и все свои силы отдать на единое служение Господу Богу.

Первый год студенчества «для пришельца от внешних» явился годом испытания и удобным временем для сравнения оставленного широкого пути с узким монашеским, к которому стремилось его сердце. И этот год еще более утвердил в нем его заветные стремления. По переходе на второй курс он вступает в клир академического храма, занимая скромное место книгодержца у Преосвященного епископа Арсения. Постигшее академическую семью горе: неожиданная кончина одного из только что вступивших в ее стены питомцев, дает возможность будущему иноку в надгробном слове почившему явно обнаружить и высоту духовного полета своих мыслей, и свои незаурядные способности как церковного оратора. 9 февраля текущего года во время божественной Литургии в пещерном храме Гефсиманского скита во имя первых иноков русской земли свв. Антония и Феодосия он принимает пострижение от Преосвященного ректора Академии, получая имя Алексия».

В безмолвной тишине Гефсиманского скита, вдали от горделивых и любопытных взоров людских, совершилось это пострижение, послужившее для юного инока начальным моментом для предуготовления его в будущем к ответственному служению в Церкви Христовой в чрезвычайно сложных и тяжелых исторических условиях ее бытия. И кто мог помыслить в то время, что Сергеем Владимировичу Симанскому, студенту Московской Духовной Академии, «пришельцу от внешних», этому юноше, возжелавшему иноческого чина, впоследствии, через 43 года, суждено будет стать Святейшим Патриархом Московским и всея Руси?

Такова жизнь Церкви Христовой: все великое совершается в ней в тиши, с кротостью и смирением. «Господь гордым противится, смиренным

же подает благодать». А главное — все зиждется в ней Промышлением Божественным. Не нам судить об этом, но в день тридцатипятилетия служения в архиерейском сане Святейшего Патриарха Алексия, простирая взоры в дни минувшие, можем сказать, что с особенною явственностью Промышление Божественное сказалось в жизни его. Вообще иногда жизнь хотят представить рядом фактов и обстоятельств, порой случайных и разрозненных. Но это далеко не так. Минули эти «случайные» факты и обстоятельства, они сменились новыми, такими же «случайными», если смотреть на них поверхностным взглядом. При ином, углубленном, взгляде их случайность исчезает; они превращаются в стройную цепь фактов, объединенных одною путеводною идеею, за которою чувствуется незримое руководство. Это и сказалось с особенною силою в жизни Патриарха Алексия, и что он всегда отмечает. Это — неисповедимые пути Промысла Божия. Вера в неисповедимые пути Промышления Божественного и смиренное склонение пред ними — основная черта жизни и деятельности Патриарха Алексия. Эта вера лейтмотивом звучит на всем пути церковно-общественного служения Патриарха. Вот несколько примеров.

1906 год. 1 октября. День Покрова Пресвятой Богородицы. В этот день архимандрит Алексий, назначенный на должность ректора Тульской Духовной Семинарии, прямо с вокзала прибывает в семинарский храм и, обращаясь к воспитанникам семинарии, говорит:

«Благодать вам и мир от Бога нашего и Господа Иисуса Христа» (Римл. 1, 7). Ничем лучшим, как сим апостольским призыванием благодати и мира, не могу я вас приветствовать, честнейшие братия сослужители, и вас, возлюбленные, Богом врученные мне, чада. Ибо, что может быть драгоценнее благодати Христовой и вожеленнее мира, который подается от Бога Отца? И этих именно благодатных даров я вам усердно от Господа призываю и сим предначинаю мое общение с вами, с которыми отныне неисповедимые судьбы Божии связали меня благими и священными узами».

«Со смущением внял я званию моему, со страхом принял жребий сего служения, ибо не видел и не знаю в себе ни знания достаточного, ни опыта, ни разумения, ни сил духовных. Но по званию христианина, по званию инокa, я не дерзаю входить в обсуждение судеб небесных; в сознании своей немощи я смиренно предаю себя в водительство Божие и молитвенно уповаю, что Господь совершит силу Свою в немощи нашей к назиданию и пользе врученных мне чад».

1911 год. 16 октября. Последнее служение в храме Тульской Духовной Семинарии. В своей прощальной речи к воспитанникам Семинарии неизменно звучит та же вера в Промысл Божественный:

«Изволением Премудрого и Преблагого, но неведомого для земнородных Промысла Божия, мне указан новый путь и новое место служения».

1911 год. 22 октября. День празднования Казанской иконы Божией Матери. Архимандрит Алексий уже на новом посту — посту ректора Новгородской Духовной Семинарии. И здесь первое служение в Антониевом монастыре. В речи к воспитанникам Семинарии опять слышится знакомый лейтмотив о «смирнном преклонении пред неисповедимыми путями Божественного Промышления о людях и о мире».

Едва минуло полтора года в служении на посту ректора Новгородской Духовной Семинарии и настоятеля Антониева монастыря, архимандрит Алексий призывается уже к новому служению, более высшему. 27 апреля 1913 г. происходит его наречение во епископа Тихвинского. И в этот момент нарекаемый во епископа верен себе. В его речи звучит непоколебимая вера в Промысл Божественный.

«Со смятенным сердцем предстою я Вашему Освященному Собору в священнейший, знаменательнейший час моей жизни, когда Промышлением Божиим вручается мне жребий высочайшего на земле служения — служения апостольского... И я восхожу на епископскую кафедру, которую св. Григорий Богослов назвал завидной и опасной высотой (сл. 42), исповедуя свое недостойнство, свою немощь, свою духовную нищету».

И, наконец, 4 февраля 1945 г. — день интронизации Патриарха Алексия, значение которого в судьбах Русской Православной Церкви еще не поддается учету по своим великим последствиям.

«Неисповедимые пути Промысла Божия, — говорил Патриарх Алексий в своем первом Патриаршем послании, — привели меня к высшему служению в Православной Церкви в звании Патриарха.

Со страхом и трепетом приемлю я сей жребий служения, ибо сознаю всю тяжесть его и весь ответ мой пред Богом за вверяемую мне великую паству».

Так, вера в Промысл Божественный, вера неустанная и непоколебимая, возвела скромного инока Алексия на Патриарший престол Московский и всея Руси.

В своей речи при наречении архимандрит Алексий, между прочим, сказал:

«Я благодарю Бога за то, что Он дает мне редкое, исключительное счастье иметь во главе моих рукоположителей великого предстоятеля древнейшей Антиохийской Церкви Блаженнейшего Патриарха Григория и я усматриваю в сем для себя знамение во благо».

И это «знамение во благо» говоривший ощутил на себе через тридцать два года, когда он в присутствии всех представителей Великих Апостольских Церквей был возведен на престол Патриарха Московского и всея Руси на Поместном Соборе Русской Православной Церкви, который по словам самого Патриарха Алексия, в то время еще Митрополита, — «по величию собрания и по составу собравшихся» был «поистине Вселенский Собор», ибо здесь, можно сказать, представлена вся Православная Святая Соборная Апостольская Церковь.

Божественное Провидение приготавливает человека к его служению многими путями, иногда косвенными, часто незримыми и неуловимыми, смысл и значение которых с ясностью и очевидностью познаются только впоследствии. На поверхностный человеческий взгляд — какие-то случайные разрозненные факты и обстоятельства, но эта разрозненность впоследствии претворяется в стройную высшую гармонию и становится «знамением во благо». И вот, рассматривая именно под этим углом зрения некоторые факты и моменты в жизни Святейшего Патриарха Алексия, начинаешь видеть в них особый, провиденциальный смысл, видеть, как они незримо связывались с грядущими судьбами Святейшего.

Под этим углом зрения провиденциальны самые имена Святейшего: мирское Сергей и монашеское Алексий. Не предрекали ли они той сложной церковно-исторической обстановки, в которой ему придется руководить кораблем церковным и решать сложные вопросы Церкви Православной, и которая по своей сложности и тяжести напоминала эпоху, когда жили и подвизались его небесные покровители, имена которых он носил и носит. Преподобный Сергей, игумен Радонежский и Святитель Алексий, Митрополит Московский. И впоследствии в речи при наречении он недаром говорил: «Да осенит меня духом своего благословения и Преподобный отец наш Сергей, от дня моего рождения благодатною помощью своею ограждавший меня от бурь и волн житейского моря и на ранней заре моей жизни укрывший меня в благодатную пристань боголюбивого и благословенного иночества, и Святитель Христов Алексий, присный друг Преподобного Сергия и мой небесный покровитель».

Эти великие подвижники тем были велики, что тесно, неразрывно жили с народом, отзывались на все его радости и горести, личные и общественные, умели осуществлять, по мере возможности, все его лучшие стремления и идеалы; их подвигами и молитвами создавалась и укреплялась Русская Православная Церковь и в то же время росло и крепло государство русское. Велико было их значение и еще третьего их современника, просветителя Пермской земли св. Стефана. По меткому замечанию В. О. Ключевского, «ни одного из этих имен нельзя произнести, не вспомнив двух остальных. Эта присноблаженная Троица ярким созвездием блещет в нашем XIV веке, делая его зарей политического и нравственного возрождения Русской земли».

«Все три святые мужа, — продолжаем характеристику В. О. Ключевского, — подвизаясь каждый на своем поприще, делали одно общее дело, которое простиралось далеко за пределы церковной жизни и широко захватывало политическое положение всего народа. Это дело — укрепление Русского государства, над созданием которого по-своему трудились московские князья XIV в. Это дело было исполнением завета, данного русской церковной иерархией величайшим святителем древней Руси Митрополитом Петром... Они приложили к делу могущественные духовные силы. Деятельность каждого текла своим особым руслом, но текла в одну сторону с двумя другими, направляемая таинственными историческими силами, в видимой работе которых верующий ум прозревает мировоззренческую десницу Провидения».

В дни юности какие научные вопросы занимают мысль студента Симанского? В университете он пишет кандидатское сочинение на тему: «Комбатанты и некомбатанты во время войны», а в Академии — «Господствующее в современном нравственно-правовом сознании понятия перед судом Митрополита Филарета». Как та, так и другая тема в момент работы над ними были темами отвлеченными, теоретическими, обогащающими только ум, но они облеклись в плоть и кровь, когда их автор занял высокое положение в Церкви. Кто знает? Ведь они в какой-то мере, безусловно, нашли применение при решении крайне сложных вопросов в сложный и ответственный момент его деятельности в звании Местоблюстителя Патриаршего престола, а затем в великом звании Патриарха.

Примечательна, под рассматриваемым углом зрения, та духовная роль, которую сыграл в жизни Святейшего Митрополит Арсений «введший его в иноческий чин и послуживший орудием благодатного посвящения в первые две степени священства» (из речи архиепископа Арсения при вручении жезла новопоставленному епископу Тихвинскому Алексию).

И эта роль Митрополита Арсения была отмечена Святейшим в его речи при наречении, когда он сказал: «Под твое мудрое и надежное руководство Всеблагий Промысл поставил меня еще тогда, когда из мира я всей душой устремлялся на путь святого иночества. Ты с любовью меня принял и любящей и твердой рукой безбедно провел меня к самому жертвеннику священных обетов... ты возводил меня от таинства к таинству, как бы по огненным, освящающим ступеням, чтобы поставить ныне на высоту святительского служения».

Наконец, не «знамением ли во благо» был тот факт, что в день хиротонии Святейшего, 28 апреля 1913 г., в Софийском соборе вместо запричастного стиха читалось «Деяние Св. Синода о прославлении Святейшего Патриарха Гермогена и о причислении сего ревностного стоятеля за правду, святое православие и Русскую землю к лику святых Церкви Православной». Да, что было неведомо, стало ведомо впоследствии; что было не замечено, стало знаменательно в последующее время. Не

видим ли мы здесь Десницы Промышления Божественного, предугаывавшей хиротонисуемому на его будущую деятельность по прославлению святых?

Такая неустанная вера в Промысл Божественный у Святейшего не является только внешним, словесным выражением. Нет, она глубоко захватывает его душу, проникая в самое внутреннее человека. Чтобы стать убедительным, напомним, как происходила его хиротония и какое неотразимое впечатление она произвела на молящихся.

«...На главу хиротонисуемого возлагается святое Евангелие, и Владыка архиепископ возглашает: «Избранием и искусом боголюбознейших архиереев и всего освященного Собора, Божественная благодать всегда немощная врачуящи и оскудевающая восполняющи проручествует тя, боголюбознейшего архимандрита Алексия, избранного во епископа богоспасаемого града Тихвина. Помолимся убо о нем, да придет на него благодать Всесвятаго Духа». — Все молятся. Архиереи возлагают на колени попреклоненного руки. Читается молитва Блаженнейшим Патриархом. Два епископа тихо произносят великую ектению... Высокоторжественная минута. Хор тихо поет «Кирие елейсон», а в алтаре все молятся — и архиереи и пастыри, молятся и весь народ. Но вот молитва окончена. Рукоположенный встает, весь облитый слезами. И не он один только в слезах, но и многие из сослужащих и присутствующих. Благодать Божия коснулась сердец»....

Всегдашнее памятование о Божественном Промышлении, — один из видов хождения пред Богом, — отражается на духовном облике человека: оно создает духовную целеустремленность и углубленную сосредоточенность, которые так ярко выявляются в жизни Святейшего, особенно в его педагогической и церковно-общественной деятельности.

Вот несколько свидетельств.

«Познаем ту истину, что не суета и не рассеянность обещают благословенные плоды, а жизнь сосредоточенная, собранная в себе» (из слова, произнесенного в день юбилейной памяти св. Иоанна Златоуста). И далее: «Вокруг св. Иоанна Златоуста восставали волны, пенилось море, бедствовал корабль его жизни, собирался на него собор..., но он не боялся тех волн, не трепетал от бури: пусть пенится море, пусть вздымаются волны; он знал, что камня сокрушить они не могут, не могут и корабля Церкви потопить. Ужели мы, братие, не убедимся сим примером, что и на нашем жизненном пути встречаемые скорби и невзгоды мы должны нести с твердостью, без уныния, с верою в то, что нас ко спасению ведет Премудрый и Всеблагий Промысл Божий».

В одной из речей, сказанных к воспитанникам Псковской Духовной Семинарии, он говорит: «Когда вы движением свободной воли отдадите себя в руководство тем, кому Господом вверено попечение о вас, тогда... вы скоро увидите, что вдали от суеты мирских дел, от развлечения множества, от шума праздных бесед, в наши сердца изольется мир, и засеваемые в вас семена дадут скорый и многий плод» (1 сентября 1904 г.).

В другом слове, сказанном воспитанникам Тульской Духовной Семинарии, он говорил: «Вы должны слово Христово иметь постоянно мыслию в уме, господствующим желанием в сердце, руководящим началом в воле» (1 октября 1906 г.).

В слове в день выпуска воспитанников Новгородской Духовной Семинарии (13 июня 1912 г.) он молит Господа соблюсти в них православную веру в ее чистоте и силе, и чтобы она была средоточием их духовного строя, источником просвещения, основанием и твердынею благочестия, нерушимости духовного благосостояния.

Такая сосредоточенность, такая духовная самособранность, по мысли Святейшего, может самого обыкновенного человека возводить на вер-

шины святости и делать его способным к великим подвигам среди мирской суеты.

«Сеяние духовное,—говорит он в другом месте,—совершается в Церкви Христовой непрерывно... Будем пользоваться каждым днем, каждым часом, каждым случаем, чтобы разрыхлять нивы душ наших и делать их плодотворными». (Из чтения 2 декабря 1913 г. «Духовное сеяние на ниве Господней»).

Все выступления Святейшего во дни Великой Отечественной войны полны верою в Промысл Божественный и в конечную победу над жестоким и коварным врагом.

«Как в древние времена возвещал Господь скорбящему от бедствий народу Своему: «Воссияет нам солнце правды и исцеление в лучах его... и вздыте, и възграете, и будете попира́ть нечестивых, ибо они будут прахом под ногами вашими в тот день, который Я соделаю» (Малах. IV, 2, 3), — так и ныне будет к нам милость Божия. Не с врагами нашими, предательски напавшими на нас и со звериной злобой бесчинствующими на захваченных ими землях наших, Господь; с ними — слабая пред Богом сила человеческая, а с нами сила Божия, ибо мы стоим за нашу землю, за Родину нашу, защищаем священное достояние наше, за которое не раз проливали кровь свою наши предки. А враг «тою же дорогою, которою пришел, возвратится. Я буду охранять город сей, чтобы спасти его» (4 Царств. 19, 33—34), — говорит Господь. Как тать, побежит враг из нашей земли, в которую он вторгся, как разбойник. Вы слышите, братие, как победоносно движется Красная Армия, сокрушая неприступные, казалось бы, заслоны и укрепления врагов, как уже «тьмы тем падоша иноплемennых и сокрушишася оружия бранная» (2 Царств. 1, 27). Подлинно Бог, непостижимый в путях Своего Промысла, умудряет наших военачальников, укрепляет и воодушевляет наше победоносное воинство, которое идет под невидимым водительством «Бога отмщений». Враги наши свои неудачи думают вознаграждать ограблением беззащитных, уничтожением оставляемых ими городов и селений, истязанием и истреблением многих тысяч русских людей, не пожелавших им покориться, но все это не может отвратить или отдалить занесенный уже над ними меч Суда Божия. И скоро этот меч опустится на все преступные головы. Сказано в Священном Писании о древних подвижниках за Отечество: «Верую победиша царствия (Евр. 11, 33). Верую победоносны будете и вы, если не будете падать духом, а будете всеми мерами, доступными в вашем положении, содействовать общей победе, веруя в эту победу, надеясь на всемогущую помощь Божию правому делу. Вера — это великая сила не только в личной, отдельной жизни каждого из нас, но и в жизни целого общества и народа... и наш долг, особенно в минуты тяжких испытаний и искушений, всеми силами поддерживать ее в себе и хранить ее в наших сердцах и умах, как оружие, непобедимое никакими человеческими средствами». (Из послания к клиру и верующим Новгородской и Псковской областей в праздник Рождества Христова 1944 г.).

Таков жизненный путь нашего Святейшего Владыки-юбиляра. И невольно мысль наша обращается вспять, к начальному моменту служения Святейшего в Церкви Христовой, когда исполнилось его хотение иноческого жития.

При его пострижении преосв. Арсений в своей речи остановил внимание «на одной добродетели, которая является основанием, а вместе и вершиною нравственного усовершенствования, как цели истинного монашества». Эта добродетель — смирение. «Смирение, возводя каждого человека на большую или меньшую высоту нравственную, — говорил Преосвященный Владыка Арсений, — имеет своим естественным последствием и высокое положение в мире нравственном, — доставляет ему сильное

влияние на дела и судьбы мира и человеческого рода». К этой добродетели и призывал Преосвященный Арсений новопостригаемого инока Алексия, заключив свою речь словами св. Иоанна Лествичника: «Поспеш же, брат, всеми мерами взойти на сию священную гору смирения. Стяжавши сию добродетель, ты взлетишь на ее крыльях на высоту нравственную, недоступную ни для каких усилий человеческих, не окрыляемых смирением, и будешь наследник вечных благ».

Избранный Святейшим путь иноческого смирения, при непрестанном памятовании о неисповедимых путях Промысла Божественного, помимо нравственного совершенствования возвел его и на такую высоту служения церковного, с которой он призван влиять в буквальный смысл этого слова на дела и судьбы человеческого рода. Да будет благословенно влияние его!

В приветственном слове епископу Парфению, назначенному на Тульскую кафедру, он, между прочим, сказал: «Нам дорого и то, что начаткам служения твоего Церкви Божией судил Бог быть в самом сердце Православной Руси... святой Москве, где созидалась, росла и крепла духовная мощь наша, где нетленно почивают великие собиратели и печальники земли русской, Святители Петр, Алексий, Иона, Филипп, Преподобный Сергей, Преподобный Савва и другие святые угодники Божии, которые, изливая окрест себя благоухание святости, как-будто особенно простирают благословение на тех, кто является продолжателями их подвига и труждается в родной для них и близкой Московской земле».

Этой счастливой и завидной участи удостоился Патриарх Алексий в вящей степени, — на великом посту Патриарха Московского и всея Руси.

Православная Русская Церковь заняла подобающее ей место не только у себя, но и среди единоверных ей славянских Церквей.

Радостный звон разливается по лицу земли Русской. Пресекались раздоры церковные. Умножаются храмы Божии на Святой Руси. Уже не пребывают во вдовстве кафедры епископские, окормляясь благодатью священства. Открываются рассадники просвещения духовного — Семинарии и Академии. Открылись врата обители Преподобного Сергея и зажглись лампы пред гробницею Преподобного, погасшие попусшением Промысла Божия, грех наших ради. И, наконец, в соборном Патриаршем храме Богоявления воздвигается священная рака цельбоносных мощей Святителя Алексия.

Вот благие плоды деятельности Святейшего Патриарха Алексия.

Вас. Теплов

В МОСКВЕ

(Впечатления делегации Румынской Православной Церкви)

Патриарший Местоблюститель Румынской Православной Церкви Митрополит Юстиниан благословил нашу поездку в Москву. Вместе с нами приехал и Министр Культур Правительства Румынской Народной Республики проф. Станту Стоян. Двое из нас еще недавно — в конце 1946 года уже были в Москве вместе с покойным Патриархом Румынии Никодимом, профессор — протоиерей Винтилеску, декан Богословского факультета в Бухаресте, приехал в Москву в первый раз.

Прекрасный, великолепный город снова захватил нас своим порядком, грандиозной культурой, цивилизацией...

Нам пришлось знакомиться более с церковно-религиозной стороной жизни. Здесь мы соприкоснулись с величием и мощью Русской Православной Церкви. Нельзя выразить словами то необыкновенное радушие, которое мы встретили в Москве, как со стороны представителей духовной власти, так и со стороны Советских органов и гражданской администрации.

По нашему впечатлению религиозная церковная жизнь в Советском государстве протекает свободно под мудрым благодатным руководством Святейшего Патриарха.

Насколько сильна православная церковная жизнь в Советском Союзе можно убедиться непосредственно при посещении церковного богослужения, совершающегося ежедневно в храмах. Все церкви наполнены богомольцами — людьми всех возрастов. К исповеди и причащению на первой седмице Великого Поста приходили в каждом храме тысячи верующих. В величии православного христианского духа и в благолепии богослужения мы имели возможность убедиться во время предстояния за Патриаршим богослужением в Патриаршем кафедральном соборе за всенощным бдением и за Литургией в крестопоклонное воскресенье. Несметное количество богомольцев, переполняющих огромный собор, благоговейно предстояло на молитве во время длительных Патриарших служений, продолжавшихся около 4—5 часов. Народ принимает живое участие в богослужениях через общенародное пение Символа веры, молитвы Господней, песнопений, прославляющих Крест Господень и т. п. Все богослужение — уставно, благолепно, торжественно и сопровождается двуххорным пением, возносящим души богомольцев к небу...

Мы, прибывшие сюда в Патриарший собор, как бы напоминали (по древне-русскому сказанию) тех послов князя Владимира, которые в Царьградском соборе св. Софии, захваченные красотой богослужения, говорили потом у себя на родине: «Мы не знали, где мы находились: на земле или на небе»... То, что было для древнерусских людей там в Царьграде, то для нас было здесь в Москве. Величественный и благодатный образ Святейшего Патриарха Алексия и весь сонм священнослужителей

телей, громогласные протодиаконы и все священное окружение Патриарха иподиаконами и прислуживающими юношами, из которых некоторые учатся в духовной школе — все это свидетельствовало, что и при новом государственном строе Русская Православная Церковь имеет полную возможность поддерживать все наилучшие традиции церковного прошлого.

В среду, на третьей седмице Св. Четыредесятницы, мы посетили Свято-Троице-Сергиеву Лавру. С духовным трепетом мы подъезжали к этой исторической прославленной обители, о которой нам было известно по урокам церковной истории от наших профессоров богословия. Несмотря на будний день, храм был полон богомольцев, пришедших или приехавших сюда на говение — к исповеди и причащению Святых Христовых Таин. Величественный храм, здания Лавры, колокольня, дивный благовест колоколов, умирительное богослужение с монастырским пением, переносили нас в ту эпоху, когда эта обитель была не только очагом православия, но и оплотом, твердыней для поддержания русской земли в борьбе с нашествием иноплемennых. Этот дух православия и патриотизма до сих пор ощущается здесь, в этой прославленной обители, и у гробницы Преподобного Сергия, и в музеях Лавры, сохраняющих в ценных вещественных памятниках сокровища церковной старины.

Надгробные плиты над святителями и мужами науки и ремонтирующееся здание Духовной Академии, готовящееся к принятию учащихся студентов-теологов из московских духовных учебных заведений, свидетельствуют о культурно-просветительном значении обители Преподобного Сергия. Все эти впечатления окрыляют надеждой на полное возрождение святой обители в великом деле молитвы и духовного просвещения.

Наместник Лавры, архимандрит Иоанн, приподнес епископу Николаю икону Преподобного Сергия и драгоценный наперсный крест. По окончании богослужения мы присутствовали за братской монашеской трапезой. Вместе с нами в Лавре в числе гостей был и Румынский Министр Культур профессор Станту Стоян.

Накануне крестопоклонного воскресенья мы посетили Московские богословские школы: Семинарию и Академию, находящиеся на территории бывшего Новодевичьего монастыря. Педагогический персонал — профессора богословия и Преосвященный ректор Академии епископ Гермоген проникнуты апостольским рвением и отдают с энтузиазмом все свои силы великому делу духовного просвещения учащихся, готовящихся быть пастырями Церкви. Среди них есть и 18-летние юноши, но есть и люди пожилого возраста. Все они проникнуты сознанием отдать свои силы на служение Церкви и Родине.

В короткое время своего пребывания в Москве нам удалось посетить и два приходских храма — Воскресения в Сокольниках и Пророка Илии, так называемого, «Обыденного». В храме Воскресения, где находится московская святыня — Иверская икона Божией Матери, мы встретили в будний день огромное число богомольцев. Умирительное пение церковного хора, составленного из слепцов, произвело на нас необычайное трогательное впечатление. Проживающий при этом храме маститый архиепископ Виталий устроил нам радужную встречу, а настоятель храма протоиерей А. Расторгуев приветствовал нас теплой речью и поднес возглавляющему нашу делегацию епископу Николаю святую икону. По окончании церковного церемониала нашей встречи архиепископ Виталий в своих покоях при храме предложил нам вечернюю трапезу, которая прошла в теплой дружеской атмосфере.

В пятницу третьей седмицы Великого поста мы присутствовали в храме св. Илии Обыденного за вечерним молебном и акафистом перед чудотворной иконой Богоматери «Нечаянная радость». Церковь была

Члены Румынской Православной делегации на приеме у Святейшего Патриарха Алексия

переполнена молящимися, которые с теплым чувством умиления возносили свои усердные молитвы Владычице. Небольшой хор умирительно пропел молебен и акафист, внеся в него часть киевских напевов.

В четверг 1 апреля мы присутствовали вместе со Святейшим Патриархом Алексием, Митрополитом Николаем, архиепископом Виталием, епископом Гермогеном и ответственными работниками Московской Патриархии за ужином, который Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР дал в честь Румынского Министра Культур проф. Станту Стояна.

Мы оставляем Москву с чувством горячей благодарности Святейшему Патриарху Алексию, Митрополиту Николаю, ректору Духовной Академии, епископу Гермогену, профессорам богословия и всем ответственным работникам Московской Патриархии, оказавшим нам свою любовь и внимание.

ЧЛЕНЫ ДЕЛЕГАЦИИ РУМЫНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ:

Николай, Епископ Орадиевский

Проф. — протоиерей Г. Винтилеску, декан Богословского факультета
в Бухаресте

Протоиерей Михаил Мадан.

речи, проповеди

НАГРАДА

Слово,

сказанное в церкви Преображенского кладбища

г. Москвы

«Радуйтесь и веселитесь, яко мзда
ваша многа на небесех»

(Мф. 5, 12)

Окруженный множеством народа, Господь Иисус Христос взошел на гору и сел. У Его ног расположились Его ученики.

Свою проповедь Спаситель начал заповедями блаженства и, будучи кроток и смирен сердцем, предложил Свое учение не повелевая, а ублажая тех, которые свободно примут и исполнят Его слово.

За каждой божественной Литургией вы слышите, мои дорогие, эти заповеди Господа нашего Иисуса Христа и святые слова, которыми Он их заключил: «Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах».

Каждый из нас, конечно, хорошо понимает, что такое награда.

Земледелец трудится над своей землей и в награду за труды получает хороший урожай. Трудится человек, изучая науки, и наградой для него служит успешное окончание курса этих наук. Награждаемся мы и в другом смысле: орденами, медалями, премиями и прочими знаками внимания к нашему труду. Это все земные награды. Мы все их оставим здесь, на земле, когда придет время каждому из нас уйти с этой земли.

Господь говорит нам о другой награде — о той вечной награде, какая, по любви к нам нашего Небесного Отца, ожидает всякого верного раба Божия в жизни будущего века, той награде, которая никогда и никем не может быть отнята от того, кто по Суду Божию будет иметь ее в своей бессмертной душе.

Господь говорит о вечной радости и вечном веселии. А кто из нас, дорогие мои, не желает себе счастливой вечности?

Ведь каждый из нас понимает, что наша земная жизнь — это самая малая песчинка в безбрежных песках. Что такое семьдесят лет человеческой жизни, до которых даже и не доживут многие из нас? Это маленькая капелька в океане вечности. А вечность — это не сотни, не тысячи лет и не тысячи тысяч, вечность не знает конца. И кто из нас после жизни земной, в которой каждый наглядится и наглотается столько горя, слез и скорбей, не пожелает себе радости и веселия в этой нескончаемой вечности?

Господь наш Иисус Христос и обещает эту вечную радость, как награду своим верным детям. В заповедях блаженства Он говорит о тех ступенях, по каким истинный христианин подымается от земли к небу, из юдоли слез и плача — к вечному веселию в Царстве Небесном.

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Кто такое нищий? Это тот, кто ничего своего не имеет, кто ожидает всего только от милосердия других; не имеет куска хлеба, чтобы утолить голод; не имеет крова, где голову приклонить, если не дадут ему денег на ночлег; не имеет одежды, если сострадательный человек не сжалится и не поможет купить ему. А нищий духом — это тот человек, который искренно признает себя духовным бедняком, ничего не имеющим своего, кто считает себя грешнее, хуже, ниже всех, кто всегда себя укоряет и никого не осуждает, — так говорит о нищих духом о. Иоанн Кронштадтский. Духовная нищета — это смирение перед Богом и перед людьми.

Разве трудно нам смиряться перед Господом и считать себя великим грешником? Конечно, нет. Все мы — грешники. Мы плохо, лениво, слабо исполняем волю Божию. Сколько заповедей мы не хотим исполнить и сколько заповедей мы нарушаем! Когда мы ставим себя перед лицом Божиим, о чем мы должны прежде всего просить у Господа, как не о Его к нам снисхождении, долготерпении и прощении?

Разве трудно сознавать, что без воли Божией и без помощи Божией мы ни одного шага в этой жизни сами сделать не можем? Вот строит человек план своей будущей жизни, думает обо всех подробностях этого плана, а нападёт внезапная болезнь, какое-нибудь несчастье, или сама смерть постучится в двери этого дома, — и от планов человеческой жизни не останется ничего. Мы всегда должны смиренно склоняться перед волей Божией, сознавая, что без благословения Божия своими слабыми силами мы не можем сделать ничего.

А разве трудно нам смиряться перед людьми и считать себя худшими прочих грешников? И это не трудно. Разве мы знаем, что происходит в душе даже явного грешника? Мы готовы осудить человека, видя его явные грехи, но разве мы знаем, сколько раз он плачет о своих грехах, как он сам себя в них осуждает и как своими слезами испрашивает себе у Господа милости? Может быть плачем покаяния и своими воздыханиями перед лицом Божиим он уже получил у Господа прощение в тех грехах, которые мы, по немощи человеческой, продолжаем в нем осуждать.

Душа человеческая с ее внутренними переживаниями часто бывает совсем скрыта от нашего взора. Разве мы не знаем таких случаев, когда только после смерти человека люди узнавали о том, что среди них жил великий праведник? Ведь нередко бывает, что внутренняя, богоугодная, праведная жизнь человека, скрытая от людей, открывалась их взорам только после кончины носителя этой праведности.

Вот один из примеров. Все мы знаем о почившем Патриархе Сергии, что он был великим молитвенником, постником, что он ни одного вечера и ни одного утра своей жизни не провел без выполнения положенного молитвенного правила. Мы знали о распорядке его частной жизни. Но знали ли мы, даже близко с ним соприкасавшиеся, о том, что покойный Патриарх каждый день в три часа ночи вставал с постели, совершая ни для кого невидимую ночную молитву? Так молился он всю свою долгую жизнь, но мы об этом узнали только после его кончины.

Мы не можем знать, чем живет душа нашего ближнего. Не знаем мы и всего того, что совершается в душе грешника. Мы должны смотреть в самих себя и видеть в себе бездну своих грехов и страстей и потому считать себя хуже других грешников.

На суде земном каждый обвиняемый ищет себе оправдания, приводит свидетелей для облегчения своей участи. На Суде Божиим совсем не

так. Чем ниже мы себя ставим в очах правды Божией, чем больше мы себя осуждаем и обвиняем перед лицом Господа, — тем с большей любовью и с большим милосердием Господь будет взирать на наше немощное, но смиренное в своих грехах сердце. Ведь сказано в слове Божиим: «Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» (Пс. 50, 19).

Не может быть в Царстве Небесном душа гордая, осуждающая своего ближнего и ставящая себя выше других грешников. Не войдет в Царство Небесное тот, в ком живет закваска евангельского фарисея, превозносившегося перед мытарем и другими грешниками. Наследниками Царства Небесного будут только нищие духом, смиренные рабы Божии, которые перед Господом считают себя последними грешниками, сознают, что своими силами ничего доброго сделать не могут, и просят во всем благословения Божия, непоколебимо надеясь на Того, Кто сказал: «Без Меня не можете делать ничего» (Ио. 15,5).

«Блаженны плачущие, ибо они утешатся». Спаситель ублажает не просто нищих, но нищих духом. И блаженны не просто плачущие, а те, кто плачут о правде и добродетели, которых не имеют, о грехах своих, которыми обременены.

Истинный христианин должен плакать о том, что он осквернил и непрестанно оскверняет в себе своими грехами образ Божий. Он должен плакать о том, что он только носит имя христианина, а обетов, данных при крещении, не исполняет, прилепился к земле и не думает о небе и о жизни, не имеющей конца. Разве трудно нам плакать о грехах, если мы знаем, что грехи будут служить для нас преградой при входе в Царствие Небесное, если мы знаем, что грех — это самый страшный враг наш, который отнимает от нас наше светлое будущее? И чтобы никто из плачущих о своих грехах не впадал в отчаяние и в уныние, Господь Спаситель обещает ему утешение: и здесь — в прощении от грехов, и в царстве будущего века — в вечном и благодатном веселии.

«Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю». Терпеливое перенесение скорбей, неизбежных в жизни, незлобивое обхождение со всеми, вообще такое расположение духа, чтобы не раздражать никого и не раздражаться никем, — вот те свойства, которые низводят на последователей евангельской заповеди не только благословение Божие в жизни временной, но и высшие благословения и высшие блага в будущей жизни. Кроткий человек никогда не платит злом за зло, обидой за обиду. Кроткий, будучи укоряем, не укоряет; терпя злострадания и напасти от других, не грозит мщением, но предоставляет мстить за себя Судящему праведно (1 Петр. 2, 23). В этом духовная красота кротости! И как мы можем поступать иначе, как мы можем сердиться, мстить, гневаться, когда общий наш Отец, перед Которым мы без числа согрешаем, всегда творит с нами по Своей кротости и долготерпит нам? И мы должны быть к нашим братьям кротки, снисходительны, долготерпеливы.

«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся». С томительным чувством голода и жажды сравнивается здесь сильное желание духовного блага: правды Божией, исполнения воли Божией, жизни добродетельной, оправдания человека перед Богом. И как насыщение телесное, прекращая чувство голода, восстанавливает и укрепляет силы, так и насыщение духовное вносит мир и покой в душу истинного раба Божия. Совершенное насыщение людей праведных последует в жизни будущей, но и здесь они носят в себе залог своего будущего счастья.

Когда человек искренно хранит в себе веру в Иисуса Христа и питает эту веру спасительными таинствами и ревностным исполнением заповедей Христовых, он получает истинное удовлетворение своего духовного голода и жажды и благодатию Святого Духа еще больше укреп-

ляется в исполнении заповедей Божиих. Надо жажать и алкать, надо всем своим существом желать вечного спасения, потому что вечное спасение — это величайшее и ни с чем несравнимое благо, для дарования которого людям Господь Иисус Христос пролил Свою кровь и к которому Он нас всех зовет. Если мы не будем ни алкать, ни жажать своего спасения, мы не можем спастись, ибо благодать Божия никого из нас не ведет за собою к спасению насильно. Так возжаждем же своего спасения всем сердцем!

«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». Кто из нас, грешников, не хочет быть помилованным Господом — нашим праведным Судией? Все мы нуждаемся в милости Божией, в долготерпении Божиим, в даровании нам еще времени на покаяние, в прощении грехов, а на конце времен — помиловании на Страшном Суде Божиим. Поэтому-то Церковь от лица нашего так часто произносит за богослужением: «Господи, помилуй!».

Все мы знаем слова Христовы о последнем Страшном Суде, но все ли мы умеем трепетать при мысли о том, как предстанем мы перед лицом нашего Судии с множеством своих не оплаканных и не искупленных грехов и пороков? Если мы жаждем сами помилования Божия на Страшном Суде, мы должны быть милосердными. Наше милосердие, наша любовь, сострадание привлекут к нам милость Божию. За милость к братьям своим сам получишь милость от Бога: за милость временную — милость вечную, за милость малую — милость бесконечно великую, ибо сам удостоишься вечного помилования.

Ведь все мы — друг другу братья, и не только потому, что произошли от одной четы, Богом сотворенной, и не только потому, что за всех нас одинаково страдал и проливал Свою кровь Христос. Мы все — родные друг другу через святое Таинство Крещения, когда мы все стали детьми Божиими. Мы все — родные потому, что приобщаемся из одной чаши одного Тела и Крови Христовых. И во имя этого нашего братства, этого нашего общего сыновства перед лицом Небесного Отца мы должны любить, милосердствовать, сострадать. Человек должен любить не только своих близких: муж — свою жену, дети — своих родителей. Это благословенная любовь, но ее мало. Святой апостол Павел говорит: «Мы созданы на добрые дела» (Еф. 2, 16). И другой святой апостол сказал: «Суд без милости не оказавшему милости» (Иак. 2, 13). Сам Господь при изображении последнего Своего Суда упоминает об этих делах милости, и милость, оказываемую нами ближнему, Он сочтет сделанной Ему Самому (Мф. 25, 31—36).

«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Грязное, греховное сердце не может иметь духовных очей и видеть Бога. Чистота же приобретается только усердной молитвой, покаянием, помощью благодати Божией и постоянным наблюдением за своим сердцем. «Сыне мой,—говорит слово Божие,—больше всего хранимого храни сердце твое» (Притч. 4, 23), берегись того, чтобы сердце не стало рабом твоих страстей и пороков. Одним из самых сильных средств удаления из своего сердца всего нечистого, по учению святых отцов, является живое сознание вседеприсутствия Божия. Помни, что Господь всеведущ и что ни одно самое малое не только греховное движение твоего сердца, но и греховное намерение не скрыты от Его всеведения.

И какая награда обещана чистым сердцем? Здесь, в жизни земной, — сердцем ощущать присутствие Божие, а в жизни будущей — увидеть Бога своего, поклониться Ему и участвовать в прославлении Его вместе со всеми ангелами и святыми!

«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими». В чьем сердце царствует мир, нет злобы, ненависти, кто не только сам не

носит в своем сердце зла, но содействует тому, чтобы примирить враждующих, сеет мир вокруг себя, — тот назовется сыном своего Небесного Отца. А что может быть для человека большим счастьем, как быть сыном своего любимого Небесного Отца? В слове Божиим сказано: Царствие Божие — это «праведность и мир и радость во Святом Духе» (Римл. 14, 17). Истинный христианин и носит в своем сердце этот мир и эту радость и сеет их вокруг себя.

За каждой божественной Литургией, как мы сказали, Святая Церковь напоминает нам эти заповеди блаженства и слова Христовы об этой великой, обещанной Господом, награде — о радости и веселии. Эта награда будет состоять в вечном пребывании в Небесном Доме Господнем и в вечном общении нашем с Господом. Она не будет какой-нибудь внешней наградой, — она будет венцом всей жизни христианской, увенчанием тех трудов, какие человек понесет ради Царства Небесного. Вечная радость и веселие, обещанные Господом, будут раскрытием во всей полноте того счастья жить с Господом, какое носит уже в земной своей жизни каждый истинный раб Божий, каждый нищий духом, каждый кроткий, алчущий и жаждущий правды Божией, милостивый, чистый, миротворец.

В лучшие святые минуты нашей жизни земной нам дано предощущать эту награду, это вечное счастье. То умиление духа, та внутренняя глубокая радость, тот духовный восторг, какие посещают нас в минуты искренней молитвы, слезного покаяния, около Святой Чаши, в светлую Пасхальную Ночь, — все это — заря того солнца счастья, какое взойдет над каждым из нас в будущей жизни. Чем ближе к Господу наше сердце, чем мы больше стремимся жить со Христом, тем бывает полнее и глубже в нас это предощущение вечной радости о Господе.

Какое это счастье — веровать в Бога и носить Его в своем сердце! К этому счастью мы все должны стремиться, всегда его искать и никогда не забывать того, что во всей своей полноте приобретет его для вечности только тот, кто трудится над своим сердцем, трудится в самом священном деле нашей земной жизни — деле приготовления себя к блаженной вечности. Все наши земные скорби и слезы потонут в этой радости общения с Господом в бесконечных веках.

Мои пожелания вам, мои дорогие, так ясны: от всего сердца я вам желаю этого счастья. С помощью Божией, пусть каждый из вас по ступеням, указанным нам Господом Иисусом Христом, подымается к дверям Царства Небесного, и пусть никто из нас не погибнет для этой радости будущей жизни.

Митрополит Николай

С т а т ы

ПОБЕДИТЕЛЬ СМЕРТИ

«Смерти празднуем умерщвление..
иного жития вечного начало...»

(Из Пасхального канона)

Глубока была скорбь, велики были мучения Апостолов, посрамленных в дни крестных страданий и смерти Спасителя в своих мечтах и в надежде на земную славу Учителя — Мессии и исполненных печалью и горем о Нем — Самом, поруганном, распятом, умершем...

Но вся скорбь, все мучения Апостолов были слабым подобием духовных мучений Господа Самого, Душа Которого была прискорбна до смерти в эту ночь, и на Кресте, среди жесточайших телесных страданий, терзалась невыносимой тяжестью сознания поднятого на Себя бремени греха мира.

Мы знаем, что густые облака глубокой скорби и мучительной печали, нависшие над Голгофой, рассеялись от светоносных лучей Христова Воскресения.

Вместе с отваленным Ангелом камнем от двери гроба Господня был отнят тяжелый камень скорби и безнадежного отчаяния от плачущих и рыдающих, и сердца Апостолов исполнились радостью и веселием.

Этой радости и веселия сердца — жизнерадостного, как бы на орлиных крыльях полета духа, Христос Спаситель желает и каждому верующему в Него, когда говорит в Евангелии: «да радость Моя в вас будет, и радость ваша исполнится» (Иоан. 15, 11).

О даровании каждому из нас этой радости и веселия сердца молится и любящая нас Мать-Святая Церковь, заканчивающая Литургию Златоуста такою молитвою священника: «Христе Боже... Исполни радости и веселия сердца наши», и эта животворная радость, имеющая свое начало в радости Христовой, вливаясь в души плачущих и болезнующих, восстанавливает гармонию их сил, молодит их для труда и делает сильными к несению возложенного на них Промыслом Божиим креста скорби.

Псалмопевец Давид, имея в виду такое благотворное действие силы Божией на душу человеческую, выразился в 102 псалме своем: «обновится, яко орля, юность твоя». По верованию древних народов существовала такая чудесная птица, видом похожая на орла с красными и золотыми перьями, сиявшая, как лучи солнца. Эта птица (называвшаяся «феникс»), достигнув глубокой старости (500 или даже 1500 или 7000 лет жизни), сжигала себя на костре из пряных кореньев и вылетала юной из пепла. Это то верование древних народов и вспоминает Псалмопевец Давид в приведенных словах: «обновится, яко орля, юность твоя». В этих словах Псалмопевец обещает человеку, чтущему Бога, что к нему в старости вернется опять юность, как той баснословной птице, как орлу-фениксу.

По внутреннему религиозному опыту христиане должны знать, что в духовной природе Христос — это Вечная Весна, вечно зеленеющая в созданном им Вертограде, Животворная Лоза, превращающая всех прививающихся к ней из ветхих в новых, делающая, следовательно, возможным, исполнимым обещание Псалмопевца о возвращении человеку юности и осмысливающая предание древних о существовании птицы, рождающейся из своего пепла.

Мы умираем потому, что отравленная микробами греха наша духовно-телесная природа теряет полноту своих жизненных сил: ослабленная грехами душа не может удержать распадающуюся связь элементов организма, не может охранить его от смерти, от разложения.

Христос, во всем подобный нам кроме греха, выявил в Себе образ истинного человека во всей силе его совершенства. Даже при искушениях (Мф. 4,3—10) Он не дал проникнуть в дух свой отравляющим микробам греха, отсюда и телесная природа Его отличалась крепостью.

На страницах Евангелия мы не видим, что Он когда-либо болел, потому что болезни по Его же определению при исцелении расслабленного были следствием греха. После целодневной проповеди Он нередко бодрствовал всю ночь на молитве. После Гефсиманского подвига-борения, сопровождавшегося молитвой до пота кровавого, Он еще в продолжение 15 часов испытывает оплевания, биения, заушения и крестные муки. Он имел бессмертную природу, потому что Божественное определение нашим праотцам: **с м е р т ю у м р е т е** было наказанием за грех, к которому Он не был причастен... И естественная смерть никогда не постигла бы Его... Все болезни, бичевания и муки распятия были причинены Ему, как нашему Искупителю, как Агнцу Божию, вземлющему грехи мира, насильственной волей злых людей.

Испив горькую чашу страданий, Христос Спаситель умер. Но для Того, Кто, — повторим мысль словами Владимира Соловьева из его «пасхальных писем», — был беспредельно свободен от всяких внутренних ограничений, от страстей и греха, не мог поддаться каким-либо и ограничениям внешним, не мог быть подчинен и смерти. Его сильный дух управлял всецело телом и непрестанно как бы вливал силу в него, обновляя его жизненные ткани. И этой внутренней животворящей силой духа Своего, Он, как Богочеловек, свободный от всякого греха, препобедил в Себе закон смерти, внесенной в мир грехов и перевел человека в новый вид существования. Господь Иисус, сойдя «доле» во гроб, в третий день воссиял из гроба, прославленный, лучезарный, прекрасный, а потому мы в Светлое Христово Воскресение «смерти празднуем умерщвление... иного жития вечного начало».

В Ветхом Завете рассказывается о видении Патриархом Иаковом таинственной лестницы. Лестница от земли к небу, и ангелы поднимались вверх и спускались вниз. Наверху был Сам Господь. Человеку нельзя было подняться по этой лестнице. Но вот один из людей — «Се Человек» — истинный Человек, осуществивший Божье предназначение о духовно-телесном человеческом совершенстве, Богочеловек Иисус Христос поднялся по лестнице вверх... вознесся на небо.

Что это значит? Евангелие вовсе не хочет сказать, что Господь вознесся в какую-то определенную воздушную сферу. Он — Вездесущий наполняет все. Для Него мало неба, мало какой-нибудь зримой нами солнечной системы и ее беспредельных атмосферных пространств. Христос вознесся на небо... Это значит, что Он на глазах Апостолов въявь показал пред ними новое высшее свойство в Своей истинной человечности, победившей смерть.

Если из истории святых и из истории средневековья мы знаем людей, которые еще в этой тленной плоти были способны к частичному препо-

беждению закона тяжести (преп. Мария Египетская и др.), то в лице Богочеловека Христа человечество перешло мировую грань, переступило бессилие своей отяжелевшей от греха плоти. Как Воскресший из мертвых, Победитель смерти, Он стоит выше законов материи, закона тяготения. А с Ним и все люди, ибо Христос Первенец в воскресении, Первенец и в вознесении. В воскресении и в вознесении Первенца людей, нашего нового Адама, мы уже «смерти празднуем умерщвление, адово разрушение, нового жития вечного начало», и видим в них начало общего воскресения из мертвых и последующего затем вознесения на небеса, волею Божественного Промышления отложенных до определенной полноты времен, до конца мира, что для первых христиан в их катакомбах и символизировалось изображением феникса, о котором мы упомянули выше.

Еще до воздушных полетов люди всегда мечтали о возможностях взлета в видимое атмосферное небо, но Господь показал, что через Него человек может подняться до обителей Отца Небесного (Иоан. 14, 2—3), до горнего мира. Этот мир открыт для него. Он может идти к нему. В этом смысл вознесения. Вознесение — великий зов к горнему небу, к победе над землей. Когда, в сороковой день по Воскресении, Господь наш вознесся в обители Отца своего, во след Ему, в небесную же высь, устремился и весь мир. Все, чем жило человечество раньше, все его ценности, идеалы, боги... постепенно были отброшены. Во Христе прогоркли для мира все его прежние «сладоности». Говоря словами церковного песнопения (кафизма Великой Субботы) Христос явился для мира спасительной Весной, под животворными лучами которой и стала расцветать его жизнь, «обновляться, яко брля юность его».

Смерть Христовым Воскресением, хотя и уничтожена, но уничтожена в принципе, потенциально. Еще гидра эта дышет, хотя она при последнем издыхании. Она уничтожится совсем, когда и мы совоскреснем со Христом. Воскресение же это должно произойти божественной силой при содействии духа нашего (Деян. Ап. 2, 32). Для фактического устранения смерти, как разрушительной силы нашей телесной природы, дарованы нам во Христе «вся Божественныя силы, яже к животу» (2 Петр. 1, 3), в особенности в Таинстве Причащения, где Господь Иисус Христос соединяет верующих с Собою существенным духовно-телесным союзом, в котором они делаются участниками Его естества и через то заимствуют Его жизнь и силу, зародыш новой и вечной жизни, о чем каждый раз и напоминает нам Святая Пасха своим торжеством победы жизни над смертью и приведенными словами Пасхального канона: «Смерти празднуем умерщвление... иного жития вечного начало».

Протоиерей Александр Смирнов

ПОБЕДНАЯ ПЕСНЬ

Пасхальная ночь в нашей православной церкви... Что может сравниться с ней по торжественности и великолепию? Сколько пленительных ощущений рождает она в душе богомольца?! Какие воспоминания хранит о ней память верующего человека — яркие, как потоки света, наполняющие громадную внутренность храма, и нежные, как живые цветы, обвивающие трехсвечник священнослужителя!

В эту ночь возносятся молитвы, прекрасные, как Тот, в честь Кого они сложены — Всеблагий Бог наш, извечно пребывающий в любви и простирающий Свою совершенную любовь на всю вселенную. Как восхитительны песнопения, прославляющие Воскресшего Господа! В них соединились вдохновенность слова и изящество фразы, в них кристаллизованы богатство мелодий и красота звука. Величественный канон, преукрашенный многообразием тропарей, точно оправой из драгоценных камней, эксапостиларий и стихир Пасхи: разве не насыщены они такой глубиной мысли, которая только доступна уму человеческому, благоговейно устремившемуся постичь тайны Божества, — разве не отмечены они той высочайшей степенью вдохновения, на которую только способно человеческое сердце, охваченное безраздельно ликованием?!

Но все это — необычайно проникновенное, поэтическое, красочное — должно отойти на второй план перед тем чудным славословием, которое будет доминировать в наступающем празднестве и которое вот-вот зазвучит с поразительной мощью под сводами храма.

...«Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ...»

Нет ведь в необозримой сокровищнице православного богослужения иной молитвы, которая, будучи услышана хотя бы однажды, взволновала бы так человека, как этот пленительный гимн, возвещающий верным о победе Света Истинного над силами зла. Сколько лет было каждому из нас, когда мы услышали ее впервые, когда вместе с нею в нашем сознании запечатлелась навсегда изумительная картина пасхальной ночи — переполненный богомольцами храм, сияние огней и блистающие ризы, ликующее пение и радость на лицах — все то, что умиляет душу, что хочется видеть и слышать без конца?!

Наверное, и та весенняя ночь, когда заботливая материнская рука в первый раз веда ребенка к Светлой заутрене, была такой же темной и тихой, как нынешняя, так же ласково мерцали звезды в далеком небе, и так же гулко звучали шаги пешеходов в пустынном переулке. Как трепетно билось в ожидании неведомого детского сердце, как была очарована чистая отроческая душа, когда медленно раскрылись массивные двери храма и вместе со струями ночной прохлады, с движением сотен людей ворвались в него, точно река, взломавшая плотину, победная песнь в честь Христа Жизнодавца. Всем народом, на правом клиросе, на левом ее пели часто, звонко, радостно, с наслаждением — то протяжно, как обычно поет гимны громадная толпа, то в таком быстром темпе, что она сверкала, как

метеор, пролетающий в атмосфере. Казалось, что только одна она, эта дивная хвала Начальнику жизни нашей заполняла собой всю службу, — казалось, что ее все еще поют и тогда, когда мы отошли уже далеко от церкви и посветлевшее перед зарей небо раскинуло над нами свой необъятный полог. И даже в тот миг, когда отяжелевшие веки готовы были вот-вот сомкнуться в глубоком сне, все еще бродили во мне отзвуки чающего песнопения...

С той поры прошло много лет. Одни из них промчались быстро и беззаботно, как весенние ручейки по склону горы, другие протекли медленно и спокойно, как полноводная равнинная река. Сомнение и восторг, страдание и счастье — ведь они перемежаются в нашей жизни столь же часто и неожиданно, как погожие и ненастные дни в природе. С течением времени события и вещи подвергаются значительной переоценке. Многие из того, что некогда считалось большим и важным утратило впоследствии всякое значение. Зато красота, звучность, благоухание воспринимаются теперь с наибольшей яркостью и полнотой. Впечатления детства обогатились опытом последующих лет, представление и понятия сделались более многосторонними и законченными.

И вот только теперь, в зрелом возрасте, когда я прихожу в наш православный храм к Светлой заутрене, когда я слышу вновь торжественное и жизнеутверждающее возгласие священника — «Христос воскрес!», когда вокруг меня горят тысячи свечей и тысячи уст сливаются воедино в могучем ответном порыве: «Воистину воскрес!» — только теперь я познаю совершенно отчетливо очень многое. Я замираю от восхищения перед неувядающей красотой православия, я понимаю, что такое вера, глубоко чувствую, с какой силой она объединяет всех нас, самых различных людей, что пришли поклониться «Его тридневному Воскресению». Да, мы — христиане, мы горячо веруем, что Господь наш Иисус Христос, ясный, как солнечный день и чистый, как дыхание младенца, соизволил «спасения нашего ради» предать себя в руки грешников, претерпеть ужасные муки и умереть на кресте. Но, «плотно уснув, яко мертв», Спаситель воскрес через три дня по неложному Его обещанию и Светлым Своим Воскресением явил не только славу Свою, а и принес избавление миру. «...и сущим во гробех живот даровав!» — пели мы Победителю смерти вкупе со всей Церковью. Да, мы верим, что восстав от гроба, Великий Человеколюбец не только совершил непостижимое чудо, но и поведал каждому из земнородных его высокое предназначение. Оправдав Своей Божественной Кровью погрешивших праотцев, («Адама воздвиг от тли»), нам, ныне населяющим землю, и множеству грядущих поколений Господь наш Своим учением, жизнью, чудесами указал путь к вечной жизни, к соединению с Ним в небесных чертогах. Вот почему мы сегодня братски лобызаем друг друга, прощаем обиды и оскорбления, вот почему так молодо и счастливо блестят глаза на всех лицах.

Радость плещется в каждом сердце. О, Господи! Благодарим Тебя за то, что сподобил всех нас, «зде предстоящих и молящихся» узреть вновь «сей нареченный и святой день». Пусть песнь о Твоей неизреченной благодати неизменно порождает в нас лучшие стремления. Да вдохновит она нас на самоотверженный труд ко благу нашей любимой Отчизны, да звучит она велегласно над миром, в мире и любви, направляя человечество ко всеобщему счастью!

Георгий Александров

ПАСХА В СЕЛЕ

(Из воспоминаний)

«О божественного, о любезного,
о сладчайшего Твоего гласа!»

(Из Пасхального канона)

Проходили века, сменялись народы, губительным вихрем проносились войны, множество людских поколений обычной чередой сменяли друг друга, но животворный момент Воскресения Христова остается извечно живым, и весь мир земной и небесный переживает эту живость чувства вместе с мироносцами, с ангелом, отвалившим камень от дверей гроба. С детским трепетом души, с чистым сердцем стараемся мы подойти к моменту этого божественного события, непонятного слабому разуму, но близкого простой искренней вере, приготавливая себя к восприятию этого радостного события 40-дневным постом, ибо Воскресение Христово — основа нашей веры, жизни и упования. «Если Христос не воскрес, напрасна вера наша!» (I Коринф. 15, 17). — восклицает святой апостол. И нередко вспоминается мне один небольшой кусочек дорогих, сладких переживаний — пасхальная ночь в глухом селе, среди лесов и полей.

Особенно памятна мне весна 1921 г. в южной полосе нашей страны, когда она была особенно ранней, когда уже на Благовещение, лес, одетый нежной зеленью шелестел уже мягкими липкими благоухающими листочками, а стада привольно паслись на густой траве под жарким солнцем. Давно отжурчала весенняя вода по камешкам приветных деревенских речек и ручейков. В Великую Пятницу зацвела черемуха, а на сирени готовы были лопнуть душистые бутончики. Озимые посевы вышли уже в трубку и виднелись головки ржанных колосков. Леса и парк, огромный и запущенный, были оживлены множеством птичьих разнообразных голосов. Необычно было в Великую Субботу слышать заунывное кукование, а в сумерки — прелестные трели соловья. Пасха была в этом году 17 апреля.

Кончилась неземная художественная красота Велико-Субботней Литургии. Только что прослушали 15 паремий. «Воскреси, Боже, суди земли, яко Ты наследилши во всех языцех...». Священнослужители сменяли черные ризы и покрывала на белые; торжественно трогательно отзывалась изумительно глубокая, величавая песнь: «Да молчит всяка плоть человека и да стоит со страхом и трепетом, ничтоже земное в себе да помышляет...» Священник освятил пять хлебов, пшеницу, вино (масло в этот день по уставу не освящается) для остающихся молящихся на ночное чтение «Деяний Св. Апостолов». Скромная Плащаница возвышалась на середине храма, украшенная густым благоухающим венком из черемухи, подснежников и лесных душистых лиловых фиалок. Не сидит дома весь этот день и особенно вечером. Как хорошо! Не ушел бы из оживленного неумолчными птичьими концертами леса, какой особо душистый

аромат от древесной листвы, фиалок и черемух охватывает и опьяняет вас! Это — лучший росной ладан, который благодарная природа день и ночь струит из невидимых кадильниц своему Премудрому Творцу и Архитектору.

А кто не знаком с прелестью долгих весенних сумерек? Кому не близка охватывающая вас волна грустных воспоминаний о ваших близких, оставивших эту жизнь, о вашем милом, непорочном детстве под сенью забот и ласки любимых родителей, о светлой незабываемой юности с ее мечтами! А в пасхальную вечернюю пору и сумерки эти настроения, воспоминания и переживания вами особенно остро и рельефно воспринимаются.

Но вот в лесной чаще до вас доносятся 12 мерных, замирающих ударов церковного колокола, извещающего о начале чтения «Деяний», и зовущего в последний раз навестить живоносный Гроб нашего любимого Господа и Спасителя, Который «Язвен бысть за грехи наша и мучен бысть за беззакония наша; наказание мира нашего бе на Нем, и язвою Его мы исцелехом». (Исаия 53, 5).

Чудесный, высокий архитектурный храм уже полон сгустившегося мрака, ни лампад, ни свечей нигде нет, и только Плащаница освещается массой потрескивающих на подсвечниках свечей. Еще не тесно в храме, но народ в молчании и величавом спокойствии уже прибывает с белыми узелочками из ближних и дальних деревень. На раскладном аналое, перед Плащаницей, один из грамотеев деревни, высокий с проседью, в очках с железной оправой, не робея и не торопясь, раздельно, громко и прекрасно читает «Деяния Св. Апостолов». Прислушиваемся: «И не единыя вины смертныя обретше, просиша у Пилата убити Его: якоже скончаша вся, яже о Нем писана, снемше с древа, положиша во гробе. Бог же воскреси Его от мертвых: иже являшеся во дни мнози совозшедшим с Ним от Галилеи во Иерусалим, иже ныне суть свидетелие Его к людям. (Деян. 13, 28—31). И дальше, и дальше читает высокий старик о Павле и Варнаве, о гонении на них, об исцелении хромого от рождения в Листре Апостолом Павлом. Под чтение это так хорошо и приятно мыслится... И думаете вы, что и на вашу грешную голову упала одна из бесценных капель Пречистой Крови этого Невинного Страдальца, избавив вас от греха, проклятия и смерти. Грустно и стыдно становится от сознания всей мерзости своей черной холодной души и глубины своего падения...

«...И вся терпит мене ради осужденного, Избавитель мой и Бог, да спасет мир от прелести». С этими мыслями я целую пречистые язвы Господа и выхожу из храма, чтобы приготовиться к Светлой заутрене. Коротка, величава, торжественна и непостижима нашим грешным умом «сия, поистине, великая спасительная ночь!». Никто не спит в эту ночь. Нет желания спать. Некогда спать. Нет нужды искусственно создавать себе настроение в эту ночь. Величие неизбежности предстоящего момента — вот оно само настроение, и ты хочешь быть свидетелем и участником Воскресения Христова, этого торжества, этого пира веры нашей.

Первые удары колокола возвещают, что пора идти в церковь. На улице непроницаемо темно и душно, и в теплой ночной тиши мирно и призывно звучит колокол. Во тьме рельефно выделяются освещенные окна церковного купола. Народ гуще притекает к храму, в ограде на лавочках и на могилах расположился народ. С трудом пробираюсь внутрь храма.

В 11 час. 30 мин. ночи начинается полунощница... Последний раз нежно, мелодично звучит страстной канон «Волною морскою». Плащаницу уносят в алтарь. На 10 минут воцаряется полная тишина и покой.

Ровно в полночь ярко освещается Святая Святых — алтарь, преобразующий небо, и оттуда раздается, пока еще отдаленное, известие о Воскресшем: «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небе-

«сех...» Открываются царские врата, и из алтаря, в блистающих серебряных ризах, выходят на амвон и спускаются вниз по ступенькам — настоятель с крестом и трисвечником, священники с Евангелием и образом Воскресения и диакон с высокой свечей и блестящей кадильницей. Певчие и весь народ с воодушевлением подхватывают: «и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить». У многих вырываются вздохи сокрушения, а по лицам текут слезы радости: в такой великий момент, когда небеса торжествуют, и радуется земля, и ликует сама природа, думается: готов ли ты, человек, выйти навстречу Воскресшему Иисусу, отбросил ли ты, хотя бы здесь, в эти святые мгновения злобу, зависть, ненависть к брату своему, угасил ли ты всегда жгущее тебя пламя страстей — наживы, прелюбодейства; воздержался ли ты от яда осуждения и злословия, омыл ли ты свое сердце, направил ли волю свою к деланию добра, настроил ли ты свой ограниченный разум для словословия Господа данным тебе от Него дарованием — словом, искусством, действием? Действительно ли с чистым сердцем все мы, в такой массе собравшиеся в эту Святую ночь, идем «свещеноснии в сретение Жениху»? Одна от другой зажигаются свечи в руках народа, и в этом море света впереди, высоко над головами народа, колыхаются хоругви, крест и образа... Крестный ход медленно выходит из храма под мелодичные переливы колоколов. Этот пасхальный, искусно исполняемый трезвон, то удаляется, сходя на два колокольчика, то, постепенно возрастая, приближается и охватывает вас громом звуков, и снова удаление, и опять приближение, — все это как бы напоминает нам морские приливы и отливы волн. Торжественно и величаво обходит крестный ход вокруг храма, а трогательная песнь «Воскресение Твое, Христе Спасе» сотнями уст повторяется и звучит победно и торжествуя. Крестный ход вошел на высокий портал храма и расположился между колоннами. Закрыты тяжелые железные двери. Настоятель при абсолютной тишине громко начинает: «Слава Святей, и Единосущней, и Животворящей, и Нераздельней Троице, всегда, ныне и присно и во веки веков». Хор заканчивает эти слова: «Аминь». И вот наступил тот долгожданный момент, который все мы так трепетно и терпеливо ожидали весь год, а особенно во дни Великого Поста. Радостно поет настоятель первые слова победного гимна нашей веры, нашего чаяния и упования: «Христос воскрес из мертвых...», но мощная волна голосов не дает ему закончить этих слов, она громовым аккордом подхватывает начатые слова и с силой прорвавшего плотину потока несет их вдаль и туда, в бездонную глубину звездного неба, где сейчас же победную песнь повторяют миллиардные сонмы небожителей... «смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав».

Прислушайтесь, как красиво поет это простое, великое, доброе сердце русского народа, как все ширится и возрастает победная песнь; она льется медленно и не удержать ее никаким другим чуждым силам. «...смертию смерть поправ...», море победных голосов заполняет соседнее кладбище, переходит в ширь полей и отзывается эхом в ближних лесах. Много и много раз эти слова подтверждают другие великие слова, относящиеся к Христу — Победителю смерти: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его... Тако да погинут грешницы от лица Божия, а праведницы да возвеселятся».

Открываются церковные двери, и вся эта торжествующая волна вслед за иконами, блещущими серебром, и духовенством вливается в ярко освещенную церковь, и быстро заполняются все уголки храма. Храм горит от паикадил и множества свечей. Все царские двери в алтарях раскрыты, алтари блистают светом. Священнослужители, облаченные в праздничные ризы, идут кадить по храму, а с хор веселым речитативом несетя: «Очистим чувства и узрим неприступным светом Воскресения Христа бли-

стающаяся и радуйтесь...». Священник радостно и громко возглашает в народе многократное: «Христос воскрес!» Сильным задушевым гулом несется отовсюду в ответ: «Воистину воскрес!». Вот мелькают голубые, зеленые, розоватые ризы среди народа на каждой песне канона. Быстро проходит Светлая утренняя. Все ликует и торжествует. Начинается христосование... Хор уже зовет к этому трогательному моменту: «...и друг друга обымем, рцем, братие, и ненавидящим нас простим вся Воскресением, и тако возопиим: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ...».

Трижды христосуются с народом священники, а народ друг с другом. Необычайное нарастающее оживление. Христосование выливается и за пределы храма. На амвон выходит настоятель и читает «Слово огласительное» св. Иоанна Златоустого. Это шедевр ораторского красноречия, где раскрывается нам особое милосердие Воскресшего Христа ко всем людям без различия. «Если кто благочестив и боголюбив, да насладится сегодня этим святым торжеством. Да внидет в радость Господа своего». Свет из гроба всем одинаково воссиял. Все равны. Всем обещается награда, прощение греха. Всем в равной мере преподается божественная приветность и утешение. Кто постился и кто не постился, да не смущается; упитанный телец заклан для общего пира. Если кто пришел на этот божественный светлый пир в третий, шестой и девятый час, да не смущается... Если даже пришел кто в одиннадцатый час, да не устыдится и не устрашится — Любочестивый Владыка и последнего принимает, как первого. Он приветствует не только дела, но и наши мысли и желания. Где жало смерти? Где ада победа? Он посрамлен, низложен, упразднен».

В ограде праздничное настроение. Все обмениваются разноцветными яичками. На кладбище христосуются с близкими и дорогими покойниками. Зазвонили к обедне. Пасхальная Литургия идет быстро, напевы простые, стройные и веселые. Под торжественный трезвон колоколов читается всеми священнослужителями Евангелие от Иоанна на разных языках.

Это особо величественное Евангелие, повествующее о Божестве Иисуса Христа, о миссии Иоанна Предтечи, о благодати учения Христова: «И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать. Ибо закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа» (Иоан. 1, 15—17). Быстро заканчиваются последние песнопения Литургии. Освящаются артосы в память прообраза избавления людей от первородного заражения их грехом и избавления иудеев от рабства фараонского.

Окончена обедня. Долго подходит народ ко кресту. Рассвело. Скоро покажется яркое солнышко на безоблачном небе и возвестит людям о славном дне Воскресения. Капли росы блестят на траве и листьях весенних цветов. Высоко в голубом эфире заливаются звонкие жаворонки, как малиновые колокольчики. В ольховых речных зарослях, и в лесу, и в старом темном парке перекликаются соловьи. После жары и духоты в церкви вас приятно охватывает душистая предрассветная прохлада. Пахнет листьями тополя, черемухой и свежим ароматом березы. Несмотря на две подряд бессонные ночи, чувствуется приятная истома тела и здоровое бодрое настроение. Народ расходится группами по деревням, каждый в свою сторону, и в утреннем воздухе слышно то здесь, то там пение: «Христос воскрес из мертвых...». То совсем далеко, едва уловимо звучит этот мотив, то ближе, то еще ближе, а то вовсе рядом за церковью в тех густых кустах за речкой. И какое величие и мощь создаются от этого безыскусственного пения победного воскресного гимна: «...смертию смерть поправ...» Сколько искренней радости приносят вам издалека эти родные русские голоса!

«И сушим во гробех живот даровав», — нежным аккордом замирает где-то уже совсем далеко, далеко за лесом. И в это ясное ароматное утро мы полны твердой уверенности в силу и мощь нашего родного народа, в его чистую неподкупную искренность, в его детскую наивную доброту. И верим мы, что никакие провокации, никакие натравливания и поджигательства на кровавые жертвы не страшны великому народу с чистым сердцем, с огромной душой, готовой и способной на любые жертвы, с любовью глубокой и широкой, как море; тому народу, который многократными опытами показал миру свои реальные возможности и умение отражать и поражать любого недруга. И верим мы в слова Воскресшего: «Я с вами, и никтоже на вас!».

Даниил Двинский

«ВЕЛИЧАЕМ ТЯ...»

Люблю храм, залитый светом. Блещут огнями величественные паникадила. Ласково мерцают разноцветные огоньки лампад. В середине же церкви, там, где возвышается на аналое икона прославляемого ныне святого, точно пламенеет большой костер. Десятки свечей, установленных на блестящем круге подсвечника, пылают ярко и дружно, устремляя ввысь потоки лучей. Отблески огня переливаются всюду. Они играют на изукрашенной жемчугом митре Преосвященного и скользят по наперсным крестам сослужащих. Отражаясь в увлажненных от дыхания оконных стеклах, они будто горят еще где-то в тумане, далеко за стенами храма. Они вспыхивают один за другим на разных иконах и на парче облачений. Какое удивительное многообразие огней! Православный человек, переступая порог церкви, охватывается волнами света и тепла, потоки звуков и благоуханий порождают в душе множество глубоких и тонких ощущений.

Сегодня православные русские люди чтут пресветлую память Святителя Николая, архиепископа Мир-Ликийских. Это был один из величайших христианских праведников, муж благолюбивый, сострадательный, мироблагоухавший — как именуется он в песнопениях — добродетельми. Поэтому и ликуют ныне духовно все празднующие, что спасения нашего ради дан нам от Господа столь «великий заступник и теплый в бедах обретающимся», «молебник крепкий», «принимая к немощным прошениям», «всю вселенную назирающая и вся обидимая избавляющая».

Тесными рядами стоят верующие. Сколько различных по своему возрасту, образованию, общественному положению людей стеклось под эти священные своды?! Одни из них молодцы, полны сил и здоровья. Вот усердно крестится женщина лет двадцати пяти, со свежим и раскрасневшимся лицом. Неподалеку от нее видна молоденькая девушка с туго заплетенными черными косами и блестящими от волнения глазами. Жизнь других, как солнце в полуденные летние часы, медленно клонится к закату. Около колонны молится пожилой интеллигентный мужчина в добротном черном пальто. Его поседевшая голова чуточку склонена набок, и по лицу разлито выражение задумчивости. Единство веры собрало их всех: стареющих и юных, еще беспечных или глубоко озабоченных, под кров Дома Божия.

«Исповедуйтесь Богу Небесному, яко благ, яко ввек милость Его».

Наступает самая прекрасная минута прославления угодника, чье имя необычайно почитается во всех уголках земного шара. В городках Малой Азии, где много веков тому назад жил этот редкостный добротворец, приходивший тайком ночью к жилищу бедного семейства, чтобы кинуть в окно мешочек с монетами и поспешно удалиться. В небольшом итальянском порту на побережье Адриатического моря, куда были перенесены впоследствии мощи Святителя. В русских селениях, живописно

раскинувшихся по берегам красавицы-Волги, где с незапамятных времен чтут рыбаки покровителя плавающих. Какие дивные молитвы сложила Православная Церковь в его честь! Вот одна из них, где глубокие по смыслу слова сочетаются друг с другом в тонкотканное кружево: «В Мирех живой чувственне, иерарше, миром разумно духовным явился еси помазан, отче Николае. Темже миры чудес твоих мир облаговонил еси, миро приснотекущее проливая, мирными твоими благовонными словесы, и памятию твоею!».

Необычайно трогательно убаждают верующие святого, столь поревновавшего о чистоте православия, «потребителя Ариева!» «Величае м Т я...» запекает на несколько секунд раньше других звучный бас протодиакона. В начатую фразу тотчас же вплетаются голоса остального духовенства, а еще через какое-то мгновение слышен уже могучий хор сотен голосов «...Святителю отче Николае...». Вряд ли в плотной массе верующих, которые заполнили ныне все уголки храма, найдется в этот момент человек, остающийся с сомкнутыми устами. И не потому только, что очень проста эта молитва для запоминания, что очень часто слышим мы ее за церковной службой, и эти выразительные слова навсегда отпечатались в нашем сознании. А в силу того, что общее пение захватывает всех предстоящих и увлекает их в один мощный поток. Короткий обычно текст величаний в то же время весьма разнообразен. Часто приходится наблюдать, как молящиеся с радостью вовлекаются в пение, но вскоре многие из них умолкают за незнанием слов. Все равно они не могут быть равнодушными даже и в таком случае. Они подпевают концы фраз, отдельные слова, но никто не в состоянии молчать. Это всенародное пение, мощное, стройное и проникновенное вдохновляет любого из присутствующих. Можно не сомневаться также, что из богатого многообразия величаний все от мала до велика знают величание Святителю. Поэтому и поет каждый голос, звонкий и тусклый, мелодичный и заунывный.

«...И чтем святую память твою...». Какое волнующее пение! Какая теплота звучания! Самый изысканный хор певцов-профессионалов не может так поразить слух, так растрогать душу, как поющая толпа обыкновенных богомольцев. Кто не наполнен сейчас избытком чувств?! Поглядите на лица молящихся. Как они взволнованы, как радостны, как хорошеют они во время такой всепокоряющей молитвы. В этот миг верится особенно сильно, что мы — дети Единого Отца, что Бог создал нас драгоценными существами, вложил в наши души стремление к добру и совершенствованию. Человеческая душа по природе своей христианка — правильно отметил еще в начале нашей эры один из римских писателей. Разве не высшим наслаждением нашей земной жизни является любовь человека к ближнему, делание ему добра? Разве не таким представляли себе идеал богоугодного жития святые наши Православной Церкви, избравшие, как «вещей истину», пламенную любовь к Всевышнему, кротость и благодущие в отношении к окружающим. Вот и сей мудрый старец с ясным и немного печальным взором, чье священное изображение мы отличим сразу из многих других, жил только затем, чтобы благодетельствовать окружающим. «Подражатель презряднейший твоего Владыки быв, ...положил еси душу твою о людех твоих». Вот другой «питатель вдов и отец сирот, помощник сущим в скорбех» — Спиридон, епископ из Тримифунта, кто всегда держал деревянный ящичек с собственными сбережениями открытым для всех нуждающихся. Поэтому и чтим мы этих угольников, как «правило веры», стяжавших своим смирением и добродетелями «высокая и богатая» в Царстве Небесном. Но как же мало подражаем мы, тщеславные и корыстолюбивые, таким неутомимым добротворцам! Какие звериные повадки являем повседневно в отношениях между собою! Заботимся в ущерб другим о собственном благополучии, злословим и

оскорбляем подобных себе, завидуем ближнему и стараемся досадить ему.

Можно увидеть сейчас в храме множество плачущих людей, и люди не стыдятся своих слез. Чем они так расстроены, что комкают в руках платки и часто подносят их к глазам? Эти слезы рождены раскаянием верующих в бесконечных грехах. Наша православная религия и замечательна именно тем, что она обладает изумительными животворящими свойствами обновлять и облагораживать души верующих. В подтверждение этой истины можно привести не мало примеров. И отнюдь не надо обращаться к житийной литературе, изобилующей ими: достаточно каждому из нас лишь слегка перелистать свое прошлое. Кто из нас православных не испытал на себе хоть единожды в жизни благотворного влияния нашей прекрасной веры?!

«...Ты бо молиши за нас...». Грехи наши омерзительны. Нет им числа, и не было бы им прощения. Не было бы, если бы не неизреченная благодать Господня. В разные века и в различных странах явил Он миру праведников, которые были «образами кротости» и «воздержания учителями». Словом и делом назидали современников избранники Божии. Но веруем мы горячо, что и по смерти своей не оставили они нас сирыми. Угодивши Творцу, обрели они от Него великий дар предстательствовать за грешное человечество, за каждого из малых сих. И только их теплое заступничество спасает нас от справедливого возмездия, которое должен был бы обрушить на обитателей земли Всемогуший. «Господи, — взывает Церковь от имени всех ее чад в одной ежедневной молитве — еще не быхом святые Твоя молитвенники и благодать Твою, милующую нас, како смели быхом, Слассе, пети Тя...».

Какими действительными ходатаями за нас неустанно предстоит Христу Его Пречистая Матерь и весь сонм богоугодивших мужей и жен! Мы ощущаем их теплые молитвы в самых всевозможных случаях. Вот любящая мать, терзаемая над колыбелью ребенка, снесаемого тяжелой болезнью и мечущегося в жару. Одно, другое, третье — не помогают выздоровлению испытаннейшие врачебные средства. Бессильная облегчить муки младенца, невыразимо страдает и сама мать. И вот, когда как будто потеряна всякая надежда на спасение, женщина бежит в храм, припадает со слезами к прославленному образу угодника и пламенно молит его о помощи. И, сколько раз наблюдаем мы в жизни, совершается казалось бы невозможное: обреченное дитя становится здоровым, вновь бегают и играет, радуя нежное материнское сердце. Не потому ли так ярко пылают сегодня свечи перед иконой чудотворца, что мы всегда прибегаем к нему в бедах и благодаря его заботам получаем от Господа просимое.

«...Христа Бога нашего!» Неохотно умолкают поющие. Чувствуется, как любят православные русские люди такое пение, когда каждый, нисколько не стесняясь окружающих за свой слабый или не очень музыкальный голос, из глубины сердца прославляет Господа или избранных Его. Теперь величание повторяется на обоих клиросах, а над головами молящихся словно плывут огни. Любим мы и этот прекрасный момент, когда священная процессия обходит весь храм. Прокладывая путь шествию, стремительно движется трикирий. За ним немного выше остальных передвигается огонек массивной дьякововской свечи. Позади Преосвященного, совершающего каждение, следует дикий. Огни то продвигаются вперед, то останавливаются и склоняются попеременно на обе стороны. Долго провожают взором богомольцы величавую фигуру иерарха.

Освятит весь храм, владыка вновь водворяется на кафедре. «Аллилуия, аллилуия...» начинает опять духовенство. С прежней силой и проникновенностью поет вторично вся церковь. Кажется, что еще согласнее

и трогательнее звучат эти немногие слова. Сотни уст, как единые уста, с упоением произносят нараспев славословие чудотворцу. Все сердца, как единое сердце, отверзлись для напояния их живительной благодатью, которая так ощутительно изливается на нас в храме. Вот они целебные воды нашей спасительной веры, ради которой по глаголу Его и невозможное претворяется в действительность! Как сближает и роднит нас духовное общение в храмах, когда мы всеми своими чувствами убеждаемся воистину, что у нас один Пастырь и спешим во след Ему!

Об этом Добром и Мудром Пастыре с дивной простотой повествует нынешнее евангельское чтение. И мы должны без малейшего раздумья предаться Его Божественному Вождению, ибо пленительная Рука Христа зовет нас идти по стезе добра и любви к ближнему, ибо только этот светлый путь ведет в небесные чертоги, ведет к вечному блаженству пребывания с Богом. Неужели мы останемся безумцами, лишаящими себя сами такого вождя и удела? И как мало требует от нас Промыслитель за столь бесценные блага, требует только творить добро друг другу! Разве это невозможно, разве это так трудно?

Пусть перед нашим мысленным оком всегда красуется лучезарный образ пламенного добролюба и неутомимого доброделателя — Святителя Николая. «Вострубим трубою песней, разыграем праздниственную, и ликуем радуящиеся» тому, что Святая Церковь явила нам как путеводную звезду такое сокровище духа. Наполненные горячим желанием сделаться лучше и чище, обратимся к «Миколу милостивому» (как называли угодника наши далекие предки) со словами: «Предстатель истинный верно просящих твоего зашитения, моли Бога о нас!».

Г. А.

Д. С. БОРТНЯНСКИЙ

Имя Бортнянского, как церковного композитора, слишком известно и влияние его на направление нашего богослужебного пения в течение почти целого столетия слишком велико.

Не одно поколение русских благочестивых душ молилось в храмах под торжественные и плавные звуки сочинений Д. С. Бортнянского.

В свое время его произведения казались любителям церковного пения высшими образцами церковной хоровой музыки. Прошли годы; вкусы стали изменяться в направлении национальном в области церковного пения; музыкальное образование и развитие сделали у нас значительные успехи, и теперь уже можно с полным беспристрастием взглянуть на деятельность Бортнянского и оценить его по его действительному значению.

Дмитрий Степанович Бортнянский родился в 1751 году. Семилетним мальчиком он поступил в «камер-певчие», как тогда называлась придворная капелла. Здесь скоро он обратил на себя всеобщее внимание и своим выдающимся голосом (дискантом) и отличными музыкальными способностями.

Так как в то время придворные певчие нередко принимали участие в театральных представлениях, то малолетний Бортнянский обратил на себя внимание и представителей светской музыки. Вращаясь с самых ранних лет в музыкальном мире, он имел возможность сблизиться с лучшими представителями тогдашней музыки. Во время работы в придворной капелле ему представилась возможность расширять свое музыкальное образование под руководством придворного капельмейстера и известного композитора итальянца Б. Галуппи, а затем углубить и закончить образование в Италии, во время заграничной командировки, в которой он был в течение десяти лет. За границей Бортнянский прошел полный курс музыкальной науки и всесторонне ознакомился с тогдашним состоянием музыкального искусства в Италии. Занятия его за границей сосредоточивались, главным образом, на музыке светской и инструментальной, в которой он достиг больших успехов, создавших ему известность за границей, но его также интересовала и западная церковная музыка, в области которой уже были созданы высочайшие образцы искусства.

В 1779 г. Бортнянский возвратился в Россию во всеоружии знания, какого до тех пор не имел ни один русский композитор. В начале он был назначен композитором придворного хора, а затем в 1796 г. переименован «в директора певческой капеллы». На обязанности его, как директора капеллы, лежало не только управление хором, но и сочинение духовно-музыкальных произведений. В должности директора придворной капеллы Бортнянский оставался до самой своей смерти, последовавшей в 1825 г.

Он, как директор капеллы, обратил особое внимание на исполнения придворного хора, которое до него не стояло на должной высоте и более склонялось к шумному громогласию. Изгнав из пения капеллы крик, он

придал ей стройность и выдержанность, и способность переходить к самым разнообразным динамическим оттенкам, которые поражали слушателей и даже на иностранцев производили чрезвычайно сильное впечатление. Принц Евгений Виртембергский, слышавший пение капеллы, так отзывался в своих воспоминаниях: «Великолепное пение... производило на меня обаятельное действие, и мне поистине казалось в эту минуту, что я на небе»¹.

Упорядочив пение капеллы, Бортнянский обратил внимание и на другие хоры. В области церковного пения в то время, надо заметить, царила невообразимая распущенность и произвол. Отсутствие школ и правильного музыкального образования было причиной того, что наши регенты и певцы были предоставлены самим себе и подчинялись только своему разнузданному классу. В это время нередко песнопения исполнялись при православном русском богослужении на мотив арий из итальянских опер и немецких ораторий. Композиторы сочиняли, в подражание иностранцам, крайне вычурные пьесы, одни названия которых ясно уже говорят о их непристойности и низком музыкальном достоинстве. Таковы, например, Херувимские и другие песнопения под названием: «слеза», «веселого распева», «труба», «с выходками», «скок», «птица» и т. п. Необходимо было принять решительные меры к упорядочению хорового церковного пения, и Бортнянский, благодаря своему влиятельному служебному положению, с успехом мог это сделать. По его именно почину, в это время были изданы указы, запрещающие пение концертное и вообще несвойственное духу богослужения и предложено было производить партесное пение в церквях только по печатным нотам, предварительно одобренным директором придворной капеллы. «Этим, говорит С. В. Смоленский, было положено начало хоть какому-нибудь порядку в нашем церковном пении и сильно возвышена власть директора певческой капеллы»². В тех же видах Бортнянскому было поручено обучать причетников петербургских церквей простому и единообразному нотному пению. Для этого он написал двухголосную Литургию придворного напева, которая была напечатана квадратной нотой и разослана по всем церквам России.

Не менее важную услугу в деле упорядочения церковного пения оказал Бортнянский и своими сочинениями, которые он почти все написал во время своего управления капеллой.

Он написал 117 произведений, из которых большинство составляют так называемые концерты, а именно: 35 концертов 4-голосных, 10 — восьмиголосных, 14 произведений на текст хвалебной песни «Тебе Бога хвалим»; итого — 59 одних только концертов. Меньшинство составляют сочинения, написанные для потребностей богослужения (трехголосная Литургия, 7 номеров Херувимской песни, «Достойно есть», «Отче наш», «Ныне силы» и пр.), а также несколько переложений.

По характеру своему сочинения Бортнянского принадлежат западной музыке; но все же они более скромны и приличны в церковном смысле, чем произведения других композиторов. Как истый сын своего времени, он, при всей своей талантливости и религиозных стремлениях, не избежал влияния господствующих вкусов и направления в музыке, в которых к тому же и сам был воспитан.

Но при оценке значения Бортнянского, как церковного композитора, нужно принимать во внимание не столько его сочинения, сколько его переложения и теоретические воззрения на церковное пение, которые и составляют истинную его заслугу.

По своему служебному положению Бортнянский не мог совершенно освободиться от модных течений в области церковного пения, но его за-

¹ «Русский Архив» 1878, кн. I.

² Обзор исторических концертов Синод. Училища в 1895 г., стр. 47.

душевные желания и планы по этому предмету были иные. Отлично образованный музыкант и глубоко верующий человек, он не мог не сознавать неудовлетворительности того пения, которое было тогда, но, вероятно, под влиянием окружающего у него не хватало смелости отступить от него. Тем не менее он не мог не обратить внимания на наши дивные древние напевы и некоторые из них переложил для хора. Таковы его: «Единородный Сыне» Герасимовского распева, «Под Твою милость», «Ангел вопиаше» греческого распева, «Приидите убожим», «Дева днесь» болгарского распева, ирмосы — «Помощник и Покровитель» и др. Эти переложения полны умильной простоты, задушевности и содержательности. Они так популярны и распространены в певческой практике, что сделались как бы «обычными» церковными напевами.

Еще более выразились симпатии Бортнянского к древнему церковному пению в его знаменитом «Проекте об отпечатании древнего русского крюкового пения». В этом сочинении он противопоставляет наше церковное пение западной музыкальной системе и считает совершенно необходимым, для точного восстановления древних церковных мелодий, изучение их в крюковом изложении, «расположение их в мере» и создание к ним диатонической гармонии.

От такого изучения древнего пения он предвидит важные последствия не только для Церкви, но и для русского искусства вообще. «Сие было бы, — говорит он, — прочным основанием контрапункта отечественного. Древнее пение, быв неисчерпаемым источником для образуемого новейшего пения, возродило бы подавленный тернием отечественный гений и от возрождения его явился бы свой собственный музыкальный мир». Эти мысли и предположения Бортнянского в свое время не были оценены по достоинству и только в самые последние годы начали практически осуществляться. Как видим, Бортнянский далеко опередил свой век и верно предугадал истинное направление, какое в будущем должны были принять работы по восстановлению подлинного церковного пения. Таково значение Бортнянского в истории русского церковного пения.

В заключение необходимо отметить, что Д. С. Бортнянский был глубоковерующим и добрым человеком, снискавшим себе всеобщее уважение и почет. По одному из современных отзывов, «певчие почитали его отцом и любили с горячностью», потому что он был кроток и ласков в обращении, добр и услужлив по отношению ко всем. Знаменательна была кончина этого композитора. Чувствуя приближение смерти, он призвал к себе певчих и приказал им петь свой концерт на псалом: «Вскую прискорбна еси душе моя, и вскую смущаеши мя». Когда регент хора хотел управлять, то он остановил его: «Пускай поют сами». Певчие запели. «Тише, тише, подите в другую комнату», — вновь остановил их Бортнянский. Пение концерта возобновилось в другой комнате, а в это время умирал автор его. Когда замолкли последние звуки, Бортнянского уже не было в живых. Погребен он в Александро-Невской Лавре.

Вечная память великому церковному композитору, отдавшему свой талант на благо Православной Церкви и давшему для богослужения дивные мелодии, которые будут распеваться в православных храмах многие, многие годы!

Протоиерей Н. Сковрцов.

ЕПИСКОП ФЕОФАН-ЗАТВОРНИК И ЕГО ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ

«Большое заблуждение в том, когда думают, будто для Неба надо принимать большие и громкие дела. Совсем нет. Надо только делать все по заповедям Господним. Ничего особенного, как только то, что всякому представляется по обстоятельствам его жизни».

(Из письма Преосв. Феофана).

10 января 1815 г. в скромной семье священника с. Чернавки, Орловской области началась земная жизнь Георгия Говорова; 6 января 1894 г. в Вышенской пустыни, что близ г. Шацка, скончался великий богослов, молитвенник, епископ-затворник Преосвященный Феофан (в мире Г. В. Говоров).

Еще живы свидетели-современники последних лет земной жизни святителя-праведника. То, что мы знаем о нем, дает нам право считать его крупнейшим учителем христианской нравственности последнего столетия, знакомство с трудами которого — нравственный долг каждого служителя Православной Русской Церкви.

Его труды слишком многообразны, чтобы охарактеризовать их в маленьком очерке. Мы намерены ограничиться изложением той стороны поучений святителя, которая посвящена разъяснению замечательного изречения, поставленного нами эпиграфом статьи.

Напомним основные даты биографии святителя. В 1837 г. он окончил курс Орловской Духовной Семинарии, в 1841 г. — Киевской Духовной Академии. На последнем курсе Академии был пострижен в иночество. В том же году удостоен степени магистра богословия. Затем в течение пяти лет — на духовно-педагогическом поприще, последовательно в должностях: ректора Киево-Софийского духовного училища, инспектора и преподавателя Новгородской Духовной Семинарии, пом. инспектора и бакалавра нравственного богословия Петербургской Духовной Академии, ректора Олонецкой Семинарии. Некоторое время был членом Синодальной миссии в Иерусалиме и настоятелем посольской церкви в Константинополе.

В 1857 г. он — ректор Петербургской Духовной Академии. С мая 1859 г. по июль 1863 г. Преосвященный Феофан в сане епископа управляет Тамбовской епархией. С июля 1863 г. по июнь 1866 г. он окормляет крупную Владимирскую епархию. С 17 июня 1866 г. по день кончины — в затворнической келье Вышенской обители. В 1890 г. Петербургская Духовная Академия возвела Феофана в степень доктора богословия «за его многочисленные и замечательные богословские сочинения».

*

* *

Далеко не всякому одаренному человеку удастся «найти себя» в земной жизни и деятельности, не часто человек использует свои способ-

ности в той отрасли дел мирских, где они могли бы найти наилучшее применение.

В жизни служителей Церкви Божией мы также можем видеть подобные обстоятельства. В ученые богословские занятия без особого успеха погружается инок — академист, одаренный живым талантом, с амвона «глаголом жець сердца людей»; администратор-святитель тяготеет к организационно-канцелярской части своего послушания, Церковь же теряет писателя-богослова или же инока-отшельника, светящего миру великим призывным подвижничеством. Но с Божией помощью «нашедшие себя» действительно своими талантами сияют немеркнущим светом.

Феофан обрел себя. В его человеческом облике сочетался ряд выдающихся качеств: он был образцом уравновешенности, отзывчивости, высокой принципиальности. Феофан и в самом деле был дивным иерархом-администратором, с блеском возглавлявшим такие «трудные» кафедры, как Тамбовская и — особенно Владимирская. Высокая ученость в соединении с даром художественного слова и врожденным педагогическим тактом гарантировала большой успех воспитателя и исследователя. Феофан и в самом деле прославлен и как автор выдающихся богословских произведений и как педагог.

Но Феофан обессмертил свое имя не окормлением епархиальной кафедры. Как и его предшественник по времени Свят. Тихон Задонский (с которым его роднят многие нравственные черты), он стал великим учителем благочестия. Как и второй его великий предшественник преподобный Серафим Саровский, Феофан был ученым провозвестником иночества нового типа и гениальным водителем наставником в вопросах праведной жизни в обычных мирских условиях. Как и оба упомянутые подвижника, Феофан служил людям из затворнической кельи. Но если поучения Свят. Тихона были рассчитаны на большую аудиторию слушателей, то Феофан обращался с ними к отдельной, ищущей путь к Богу, душе, а уже через нее — ко многим душам.

Пять томов его изданных писем представляют целую нравоучительную систему. Ограничимся почти исключительно выдержками из замечательных писем Феофана.

* *

*

Неоценимо значение его наставлений, адресованных представителям юного поколения и родителям. Каким представлялся Феофану облик религиозного молодого человека? Вслед за Саровским чудотворцем он говорит: «Будьте со всеми приветливы, благодущны и веселы, как и всегда. Только от смеха, смехотворства и всякого пусторечия воздерживайтесь. И без этого можно быть и приветливым, и веселым, и приятным. Никогда и ни под каким видом не угрюмничайте». Напомним читателю (см. мою работу о преп. Серафиме в «ЖМП» № 8 за 1947 г. стр. 22, абзацы 2— 5 сверху), что великий подвижник считает печаль даже для инока признаком обуревания его недостойными страстями. Юность кипит жизнью — учит Феофан. Лишь в виде исключения в этом возрасте встречается молчаливое самосозерцание, предрасположенность к суровому, молитвенному одиночеству. Такие натуры редки; их путь к Богу ясен, прост и прям. Большинство идет другими путями: через все свойственные юности увлечения, треволения и порывы; они обретают близость к Богу через жизненные переживания и горести.

Преосвященный затворник знает, что иночество — удел немногих; подвиг же затворничества — еще меньшего числа людей. Жизнь же во Христе доступна миллионам. Убежденнейший апологет иночества Феофан словами: «даруй вам, Господи, увидеть монашескую жизнь в монастыре» выражал задушевное пожелание своим лучшим друзьям. Уда-

ление от мира он считал единственным путем душевного спасения, затвор — вполне доступной для каждого человека формой удаления от мира. Но как Преосвященный Феофан понимал это?

«Под миром разумеется все страстное, суетное, греховное, вошедшее в жизнь частную, семейную и общественную», — писал он. «Поэтому удалиться от мира не то значит, — читаем мы далее, — чтобы бежать от семейства или общества, а оставить нравы, обычаи, правила, привычки, совершенно противоположные духу Христову, принятому и зреющему в нас».

«Гражданство и семейство [т. е. семейная жизнь. — И. Ш.] — учит он — благословенны у Бога; потому не должны отрешаться от них или презирать, равно как и все, принадлежащие к их существенному благоустройению [подчеркнуто мною. — И. Ш.] Но все пришлое к ним, прихотное и страстное, как нарост, вредящий и искажающий их, должно презреть и отвергнуть». И далее: «убежать от мира значит установить себя в истинной семейственности и гражданственности; все же остальное сделать так, как бы оно нас не касалось».

Истинное православие несовместимо с антиморальным поведением в жизни; нравственно-распущенный гражданин отлучает себя от Господа Бога, лишь сердечное покаяние и осуществление обещаний исправления возвращает его в лоно Матери-Церкви. Освященная Церковью семья — священна. Высоконравственная семейность в изложении выше понимания Феофана может быть не менее душеспасительной, чем выполнение заветов монашества.

«Дела житейские и общественные, от которых зависит стояние домов и общества, суть Богом определенные дела и исполнение их не есть отбегание в область небогоугодную, а есть хождение в делах Божих». А раз так, говорит мудрый старец, то будь «проклят всяк, творяй дело Божие с небрежением». Он остается совершенно последовательным в категорическом совете: «внешних отношений пресечь нельзя... Это долг общежития человеческого». И делает вывод: «оставить мир есть не что иное, как перечистить всю свою внешнюю жизнь, устранить из нее все недостойное, заменить чистым, не мешающим духовной жизни, а помогающим ей — в жизни семейной, частной, общественной; установить вообще образ внешнего своего поведения дома и вне, с другими и по должности».

Как и его великий предшественник по времени подвижничества преподобный Серафим Саровский, Феофан не рекомендует иночества многим ищущим его, советуя оставаться в прежнем окружении. Святитель-затворник поднял учение о спасении в миру на новую высоту, сказав в этом отношении новое слово:

«Так нечего загадывать о затворе. Когда молитва твоя до того укреплется, что всегда будет держать тебя в сердце перед Богом, тогда у тебя и без затвора будет затвор. Ибо затвор что есть? То, когда ум, заключившись в сердце, стоит перед Богом в благоговении и выходить из сердца или чем-нибудь другим заняться не хочет. Этого затвора ищи, а о том не хлопочи». И в заключение — золотые слова: «можно и при затворенных дверях по миру шататься или целый мир напустить в свою комнату».

Феофан был глубоко и разносторонне образованным человеком. До преклонных лет он не переставал внимательно следить за богословской и церковно-общественной литературой. Вместе с тем он был в курсе решительно всех открытий, исследований и проблем в области природоведения, физики, анатомии, физиологии, медицины, философии

и психологии. Был внимателен к художественной литературе. Занимался живописью, физическими опытами и т. д.

Во всеоружии научных знаний он подходил к истолкованию христианско-нравственных истин и законов, к «искусству искусств и науке наук» — как он называл учение о духовном спасении.

Его поучения и советы приобретали особую убедительность и для «простолудинов» и для образованных людей. Убедительными они были потому, что Святитель показывает полную осуществимость и даже удобоисполнимость для каждого мирянина заповедей Евангелия. Феофан с непревзойденной простотой изложения показывает, что заповеди Христова учения соответствуют естественным свойствам и движениям души человеческой, которая, по словам Тертуллиана, «по природе своей — христианка».

«Жить нам надобно так, как Бог создал нас» — эти слова можно было бы поставить эпиграфом к большинству Феофановых поучений и писем нравоучительного характера.

Проницательные слова Святителя: «многие потому и не живут как должно, что думают, будто правила о сей достодолжной жизни навязываются извне, а не исходят из самого естества человека и не им требуются».

Его учение — это прежде всего система доказательства двух сторон человека: того, что вложено в самую его природу Творцом, и того, что в человеческое естество привнесено грехом. Очищение человеческого естества от привнесенного извне грехом и есть путь к Богу. Путь, доступный решительно каждому человеку.

«Животолюбие», «телолюбие» — естественные инстинкты человека: заботы о телесном покое, пище, одежде, сне и т. п. естественны и сами по себе не греховны. Но если такие заботы не облагораживаются стремлениями к нравственности, работе, деятельности во имя общественного блага, то они превращаются в самоцель. У таких неизбежно должны голодать душа и дух, если они еще не совсем заглушены и забыты».

Воспитание воли — совершенно необходимое условие нравственной, полезной и целеустремленной жизни. Непостоянство, беспорядочность и своенравие желаний и дел — прекрасное удобрение для роста в себе человека-скота с толстейшей кожей себялюбия и чревоугодничества. Феофан талантливо обличает беспринципное делячество, «пустоделие». «Шатаемся туда и сюда, делаем и переделываем, идут у нас начинание за начинанием и дело за делом, но из всего выходит только — суета... Расплылась госпожа наша — воля!» И дальше: «сколько у нас есть припущих возбудителей желаний: гнев, ненависть [к ближнему своему], зависть, скупость, тщеславие, гордость и подобные. Источником желаний должны быть естественные потребности жизни семейной и общественной; а во всех этих что есть естественного? Они только расстраивают естество и все порядки жизни. Откуда же это варварское нашествие?»

Не быть жертвой внешних впечатлений, а овладевать ими и направлять их — таков один из первых советов Преосвященного затворника. Он упрекает интеллигентную молодежь своего времени за малую способность ее к упорному, систематическому труду. В наше время (середина XX века) из недр народа выросла новая интеллигенция, лишенная мягкотелости.

Но и в наше время свежо звучат советы Святителя молодежи. И теперь часто не всякому нравится именно то дело, к которому он приставлен; не всегда даже в современных условиях возможно в отдельный момент определить каждого человека к наиболее любимому им делу. Порой и симпатии некоторых людей меняются быстрее, чем

овладение новым делом. «Перед тем, к которому не лежит сердце, руки опускаются и ноги не двигаются». Избирая для себя определенный вид деятельности, молодой человек должен руководиться и естественным к нему предрасположением и обязательно — сознанием нужности и общественной полезности данного вида труда. Но этого недостаточно: в каждой профессии и роде деятельности имеются стороны и детали, не захватывающие воображения, сердца и энергии; потому необходимо во всяком деле найти приятную сторону, которая облагородит и все «черновые» детали. При таком подходе, как говорит Святитель, «мыслятся сами собою и труд, как бы он ни был долог, бывает не в труд». С честного трудового пути человека могут сбивать частые влечения к новым наслаждениям; постоянный долг — «держат сердце в руках», подвергать строгой критике чувства и влечения.

Иначе влечения, сменяя одним другое, создадут неустойчивость. Став жертвой влечений, человек становится рабом низменной чувственности, т. е. постепенно «становится ниже той черты, которая отделяет человека от прочих живых тварей».

Одухотворение плотской жизни в себе — сущность *христианской* жизни. Желание бескорыстных добродетелей должно превратиться в естественное душевное стремление православного человека, так сказать, в условный рефлекс его натуры. Феофан подчеркивает элемент бескорыстия в широком смысле слова. Нет такого человека, *даже вне христианства*, который бы по временам не посвящал своих трудов добрым делам. Тем более обязательны для христианина стремления к делам добра и справедливости и именно таким, которые иногда могут и «ничего не дать для временного быта и даже ведены бывають на счет его», т. е. которые могут дать только нравственное, но отнюдь не материальное удовлетворение. Так нужно понимать изречение Феофана: «духу подчинять и духом проникать все душевное, а тем паче телесное, а за ними и все свое внешнее, т. е. жизнь семейную и общественную. Се — норма!»

Чувства «от услаждения красотой» Феофан называет благородными чувствами. «Бога ве́дущий естественно постигает красоту Божию и е́е единому ищет наслаждаться».

«Красоту Божию» великий учитель нравственности видит и в дарах природы («глаз не следует отвращать от цветка») и в произведениях живописи, ваяния, музыки, пения, поэзии, в изящных искусствах вообще. Во всех их глаз, ум и чувства услаждаются и красотой внешних форм и особенно — красотой внутреннего, идейного, разумом воспринимаемого содержания. Не внешней только красоты ищет душа христианина, но обязательно и выражения в прекрасных формах прекрасного, зрительно невидимого прекрасного мира.

Для христианина нет мучительного сомнения в вопросе о том, что выше — духовные или телесные потребности? Между одними и другими должно быть полное соответствие, гармония. Умерщвление плоти созданной Богом — не самоцель и не идеал. Таковым являются одушевление плотского. Но так как духовные потребности выше грубо-плотских, то, по справедливому замечанию Феофана: «когда они удовлетворяются, то другие, хотя и не будут удовлетворяемы, покой бывает; а когда они не удовлетворяются, то будь все другие удовлетворяемы, покоя не бывает. Поэтому удовлетворение их и называется единым на потребу».

«Когда удовлетворяются духовные потребности, то они научают человека поставлять в согласии с ними удовлетворение и прочих потребностей, так что ни то, чем удовлетворяется душа, ни то, чем удовлетворяется тело, не противоречит духовной жизни, а ей способствует, — и в человеке водворяется полная гармония всех движений и обнаружений

его жизни, — гармония мыслей, чувств, желаний, предприятий [т. е. намерений. — И. Ш.], отношений, наслаждений. И се — рай». Так учит епископ Феофан в полном соответствии с указаниями Священного Писания и поучениями мудрейших Отцов Церкви.

Мудрый Святитель, подвижник и богослов, дает великолепное православное объяснение причин нравственного падения многих людей, а вслед за тем указывает правильный общедоступный спасительный путь.

«Отчего, — спрашивает он, — мы ни себя, ни других не видим прекрасными, отчего покривляется наша жизнь?» Ведь, действительно, раз между духовными и телесными потребностями человека нет несоответствия, то этим даны все условия создания разносторонне прекрасной, одухотворенной человеческой жизни. Сущность ответа сводится к следующему: Бог создал человека для блаженства в живом общении с Ним. Он дал человеку дух, существеннейшие свойства которого — сознание и свобода; духу дана была сила властвовать над телом и над всем, что вне его. Это и было состоянием человека до его грехопадения. Но вот первые люди послушали обольстителя и нарушили главную заповедь Божию, отступили от Него. Отступил и Он от них и прекратилось живое общение с Ним. Поздно спохватились наши прародители с раскаянием. Однако Господь всемилостив: «Он хоть и отступил от нас, но не бросил, устроив предивный способ к воссоединению нас с Собой». По христианскому учению, как уже сказано, человек свободен в своих поступках. Бог — Вседержитель. При этом Он во внутреннее естество человека входит, когда тот предается Ему, то-есть молит Бога о таком вхождении. Он, Всемогущий, хранит человека, но не входит в его душу, если тот Его не призывает и предпочитает действовать самовластно. Оставшись «самовластным», дух вне единения с Богом, стал рабом тела, ибо властителем над последним, будучи лишен притока благодатной силы, он уже не мог быть. За «самовластием» же, как неизбежные спутники его, явились неизменные страсти: гордыня, зависть, скорбь, уныние, корысть, неестественная чувственность и др. со всеми злыми отвлечениями страстей в форме обжорства, пьянства, лихоимства, им же несть меры и предела.

Наша природа человеческая в результате грехопадения не изменилась, но греховность нарушила «гармонию сил и способностей человека». Но это нарушение вовсе не настолько органично и даже не настолько глубоко, чтобы не поддавалось духовно-нравственному уврачеванию. Преосвященный Феофан советует: «держите убеждение, что неприродна нам беспорядочность наша, и не слушайте тех, которые говорят: что тут толковать, так уж мы сотворены, ничего с собою не поделаешь. Не так мы сотворены, и если возьмемся за себя как следует, то что-нибудь и сделаем с собою».

Убеждение — залог успеха. Но оно — лишь предварительный шаг. Укрепив в себе убеждение в излечимости болезни греха, нужно приступить к самоврачеванию. Какими средствами? «Как зашла болезнь, противоположно тому действуя, можно изгнать ее»; иными словами: как нравственно скатились мы с высот христианской нравственности, обратно тому нужно и восходить на эти высоты. Причина болезни в данном случае — потеря веры в Бога. Следовательно, нужно восстановить ее и тем самым воссоединиться с Ним. А воссоединение с Богом вернет власть духовных помыслов над греховной частью наших «телесных» стремлений. По мере одухотворения наших поступков, будут постепенно, но неуклонно, шаг за шагом отступать безобразящие нашу природу страсти.

Словом, воссоединение с Богом принесет нам все желанное и необходимое для спасения. Мы должны его искать. «Но устроить его —

дело не наших рук. Нечего нам ломать своей головы над тем, как воссоединиться с Богом; сколько ни ломай, ничего не придумаешь».

Сам бог, ведомыми Ему путями, совершит это воссоединение; нужно с безграничным доверием принимать волю Всевышнего. Как совершается таинственное восстановление общения с Богом? Дух Божий, по учению Церкви нашей, нисходит на человека, сочетается с духом людей, верующих в Сына Божия, и оживляет его, воссоединяя с Богом. Это и есть новое рождение от Бога, которое верующих делает чадами Божиими. Иди с верою — учит Церковь — получишь отпущение грехов, веруй в распятого Христа и спасен будешь. Евангелие указывает путь.

Но можно ли достичь духовно-нравственных высот одною верой, как говорят, например, лютеране? Нет — отвечает истинная Церковь устами Феофана. Для этого требуется многое и от нас. «Дух Божий возбуждает, благовестие указывает за что взяться. Сие от Бога. Но сделав сие, Бог останавливается, — и ждет нашего произволения».

С этого момента начинается действие свободной человеческой воли. Христос в Своем непосредственном Слове и в漏чениях Своих учеников-апостолов открыл нам путь светлой жизни. Всем этим Господь указывает нам на этот путь. И вставшим на должную тропу открывается дальнейшее действие благодати. Колеблущимся — действие благодати прекращается.

Бог никого не приневоливает ко спасению. На это требуется наше свободное произволение последующими добрыми делами. «Сам Бог — образно говорит святитель — не входит во святилище души могуществом Своим, а благоволительно просит входа». Следовательно, Бог не хочет помимо воли человека входить в него.

При святом крещении мы все приобретаем благодати Св. Духа. Действуя в годы детства и отрочества, благодать в момент достижения нами сознательного возраста, как бы делает паузу. Она тотчас же возобновляет свое действие, коль скоро мы делом, жизнью своею пожелаем взыскать ее. В противном случае — перед нами путь к пороку, страстям, духовной гибели. Награда — по делам каждого. Молитва — могучее средство общения с Богом. Но Святитель обличает, как духовную лень, надежду на то, что небесные силы почистят, оздоровят и обновят душу человека исключительно по его молитвам, которые в таком случае носят характер желания «свалить на других то, что должно быть сделано своими трудами».

Великолепны в этом отношении слова Феофана: «и такое лукавство не чуждо нашему сердцу, что хорошими быть мы не прочь, но потрудиться ради этого, руки опускаются. Душу перечисать и исцелять не придут Ангелы. Бывают при этом и их указания и вразумления; но делать все надо самим. Берись сам и режь себя, где нужно без всякого жаления себя. Другой никто этого не может сделать».

Итак, от человека требуется: сознав присутствие в себе благодатных даров Св. Духа, решиться делом усвоить благодать и привести в исполнение это решение.

Что делать в обычной обстановке, чтобы жить во Христе? «Делайте, что попадется под руку в вашем кругу и в вашей обстановке». [Слова эти нужно понимать, как призыв к добросовестной работе на любом посту, доверенном человеку]. «В наше время любят, особенно в молодости, задаваться обширными планами — служить человечеству, обществу, народу...» Святитель ни одним словом, ни намеком не осуждает широких идеальных планов, к которым, конечно, более всего восприимчива энергичная молодость, отнюдь не иронизирует над планами великих дел. Он только хочет сказать (и говорит) о том, что не

следует пренебрегать и «малыми» делами, сумма которых составляет великое; доказывает, что условия для благочестивых, полезных для духовного совершенства деяний имеются повсюду и во всем. Великое может быть и во всем малом.

Возвращаем внимание читателя к словам Святителя, помещенным после заглавия этой статьи. «Делать все по заповедям Господним... то... чего требуют частные случаи, с каждым из нас встречающиеся». Поистине, здесь все ясно и просто и, как пишет Святитель «нечего вам томить себя мудреными задачами. Что уже проще и что общесловеннее, как изложение Феофановых заповедей: Помощи кто ищет? — Помоги! Обидел кто? — Прости! Сами обидели кого? — Спешите испросить прощение и примириться! Похвалил кто? — Не гордитесь! Побранил? — Не сердитесь! Пришло время молитвы? — Молитесь! Работать? — Работайте!» и т. д. Все это и есть жизнь по заповедям Божиим. И в то же время — жизнь для блага человечества.

Самые малые дела угодны Богу: мы такие дела можем делать постоянно. И нет в условиях нашей современной действительности такой профессии, специальности, эпизодического занятия, которые бы помещали проявлению высоконравственных, духовно-нравственных свойств.

И чем с более чистым сердцем человек будет работать и жить для ближних, для общества, для Бога, тем скорее у него будет крепнуть вера, тем он все более будет приближаться к ощущению душевного покоя и благодатной нравственной удовлетворенности.

В одном из своих трудов Феофан говорит: «Вся беда от слишком широких кругозоров. А лучше глядеть под ноги и разбирать: какой, где следует сделать шаг. Это самый верный путь».

Феофан сурово обличал таких лжепрогрессистов, которые «в мыслях держат благо всего человечества, а что перед глазами, то пропускают без внимания и выходит, что они — того общего не имея возможности делать, а это частное пропуская, ничего не делают для главной цели жизни».

Он неустанно внушал, что хорошим словам должны соответствовать столь же хорошие дела. Призывая к благодетельным для всего человечества делам, он предостерегал от разрыва между ближайшим и отдаленным будущим. «Человечество или народ, — говорил он, — не существуют как одно лицо. Он, народ состоит из массы отдельных лиц». Дела доброе для одного, другого, третьего, мы этим делаем вклад в общечеловеческое дело. В нижеприведенных простейших словах заключена богатейшая мудрая мысль: «если бы каждый, делал все возможное (и все посильное) для того, кто у него перед глазами, то люди в совокупности, в каждый момент делали бы то, в чем нуждаются все нуждающиеся и, удовлетворяя их нуждам, устроили бы благо всего человечества, сложенного из достаточных и недостаточных, из немощных и сильных».

В своих «Письмах» Феофан предельно жизненен. Умудренный громадным духовным опытом, он всегда искренен, доступен пониманию и неотразим по силе убеждения.

Подчеркивая доступность достижения каждым христианином нравственных высот, он не скрывает от верующего трудностей духовного пути и крутизны подъема на нравственные высоты.

Он проводит определенную грань между нравственностью вообще — с одной стороны и христианским, православным самосознанием — с другой. «Добрые дела, — учит мудрый затворник, — могут совершать, совершали и совершают и иноверные люди и язычники. Христианское добродетельное отличается направленностью: все дела Богу посвящаются и во имя высшей цели — Богообщения совершаются».

«Вся во славу Божию творите». Особенно обрушивается Святитель на тех ленивых духом, «тепло-прохладных» христиан, которые считают достаточным посвятить Богу некую часть своих дел. Выходит, как справедливо-гневно пишет Феофан, «что мы делами своими как-будто милость какую оказываем Богу... значит, будто Бог есть нечто стороннее в нравственной жизни!... Нет, доброе дело не для Бога и не по вере в Господа совершенное, не есть христианское, а есть просто добро естественное».

Кроме желания идти истинным путем, необходимы силы и умение, а также знание всех преткновений по дороге. Над выяснением всего этого много потрудился епископ Феофан.

Общеизвестно, что человек не рождается христианином, а становится им после святого крещения. Это таинство уподобляется Феофаном засеменению жизни человеческой зернами Истины. Возрастание семян святой веры происходит в человеке в трудной борьбе с зародышами греховных страстей, в процессе самоисправления, «очищения храмины своего сердца от всех нечистот, чтобы принять грядущего к нему Христа Господа».

Сам девственник и строгий монах всем существом своей натуры, Феофан глубоко ценил чистоту освященного Богом брака и проявил себя проникновенным знатоком семейной жизни. Знал он, что главная трудность — надолго сохранить взаимную привязанность супругов.

Напутствуя молодого супруга, Феофан пишет: «худо; когда кто в семье своей не находит себе счастья. Если находишь, благодари Господа». А далее: «Но постарайся, чтоб и всегда так было. Искусство одно: всякий день начинать так, как бы он был первый после свадьбы. Учись жить. Мудрость большая я... Но страх Божий всему научит». Разумеется, наибольшая опасность прочности брака угрожает такому сожителству, которое зиждется не на прочной духовно-нравственной привязанности, а на эфемерном преходящем эстетическо-физическом влечении. Если преобладает это последнее, то чем дальше, тем более искусственных мер требуется для его поддержания. И наоборот, наиболее прочен такой христианский брак, который основан на любви-дружбе, взаимной жертвенности, обязанностях и ответственности перед новым, порожденным браком, поколением. В этом и Феофан видит источник счастливой семейной жизни. Но «надо блюсти этот источник, чтобы он не засорился» — предупреждает мудрый нравоучитель.

Как истинный христианин, духовно ратоборствовавший против тунеядцев, Феофан выступает против выращивания изнеженных «маменькиных» сынков и «куколок-барышен», рассчитывающих пользоваться жизненными благами за счет мужей — «содержателей». «Собирайся воспитать деток так, чтобы они после могли сами себе добывать хлеб» — пишет он одному из своих зажиточных корреспондентов.

Что всякий труд благороден — это было убеждением Феофана, относившегося с одинаковым уважением как к труду умственному, так и физическому. В этом отношении он стоял на много впереди многих своих современников. «Очень рад, — пишет он своему племяннику А. Г. Говорову, — что Тихонушка [сын Говорова] работает. Благослови его Господь! Не всем книжниками быть. Надо быть и рабочим людям, без которых книжники и ногой ступить не могут». Дочерям своего племянника епископ советует «с юности приучаться к такому рукоделью, которое кормит».

Сам щедрый благотворитель, тративший на филантропические дела почти всю свою пенсию, Святитель-затворник советовал оказывать помощь неимущим всякому, кто имеет к тому какую-либо возможность.

Как во всех своих ученых трудах и популярных поучениях (которые

также суть учено-богословские труды, лишь изложенные в общедоступной форме, что, кстати сказать, для автора в большинстве случаев труднее), так и в письмах к многим сотням своих корреспондентов Феофан большое внимание уделял вопросам построения христианской жизни к миру. Круг корреспондентов Святителя велик и разнообразен. Однако, внимательное (хотя и произвольно-неполное) изучение позволяет условно подразделить их на две больших группы: 1) людей со слабой верой, рационалистическими колебаниями, надломленной житейскими бурями психикой, примеряющих на себе в качестве «рецептов» нравственного спокойствия то ортодоксальное православие, то модные в светски-пресыщенных кругах, протестантизм и... спиритуализм, то полный нигилизм; 2) твердых в вере и жизни людей, ищущих путей к высоким подвигам во имя Господне.

Особый интерес для нас, понятно, представляет первая группа. Она требовала особо мудрого подхода к себе. На примере людей, условно отнесенных нами к этой группе, мы имеем возможность проследить большую силу воздействия на них поучений Преосвященного Феофана.

А воздействие это, действительно, было велико. Люди колеблющиеся становились на истинный путь. С искусством непревзойденного «тренера душ» Феофан давал сначала советы о самых простых и удобоисполнимых духовно-нравственных «упражнениях». Они помогали становлению слабодушного христианина на первую ступень лестницы к Богу, позволяли ощутить Бога, почувствовать по-настоящему желание идти к Нему. Но уже на этой стадии поучения Феофана давали такой душе почувствовать, сколь недостаточно для духовно-нравственного спасения одно ощущение Бога и одно желание идти к Нему. Мятущаяся душа уже понимала единственность спасительного пути. Святитель открывал таким душам всю картину предстоящего им пути к Богообщению — конечной и единственной цели христианина. И благодаря ему Церковь вновь собрала многие сотни своих отпавших, заблуждших чад.

Большое внимание уделял Феофан идейной борьбе с «людной» в его время коварной мотивировкой врагов православия (притом мотивировкой, частично в замаскированном виде начавшей было проникать и в круги «либеральничавших» наставников духовно-учебных заведений); «у нас де слишком много обрядов и все это человеческого происхождения; и все это без всякой нужды и пользы». Деятельность Феофана в этой области имела всероссийское и даже общеправославное значение. Для понимания этого мы должны совершенно ясно представить, что в те годы наступление на православие шло стремительными шагами и концентрированными ударами — извне и изнутри. Особенно тяжелыми были удары изнутри. Нападение шло методами фальсификации истории православной культуры, клеветы о поразительной якобы отсталости и заимственности православного учения, принижения заслуг святых угодников и выдающихся церковных иерархов, неимоверного раздувания отдельных случаев неблагочиния и неблагоповедения в якобы почти сплошную порочность иерархии и монашества, обвинения целых Церквей (например, Константинопольской Патриархии в работах Болотова), в симонии и многовековым морально-бытовым разложением и т. д. и т. п. В области вероопределяющих (богословских) наук признаком хорошего «научного» тона считались благоговейные ссылки на протестантские «авторитеты» (зачастую непомерно раздутые) и признаком рутинерства — ссылки на святоотеческие труды. Иронической кличкой «византийщина» клеймилась верность иконо-обрядовым формам. Духовная лень поощрялась рассуждениями о необходимости сокращения продолжительности богослужения, театрализации церковного пения, уменьшения количества обрядов и т. д. и т. п. И при-

скорбнее всего, что благодаря своей доверчивости и уважению к духовно-учебным степеням и званиям, руководящие иерархи Святейшего Синода разглядели истинную подоплеку и колоссальный вред «творчества» такого рода слишком поздно...

Тем более яркими звездами сияет благодатное творчество таких богословов и молитвенников, как епископ Виссарион, протоиерей Иоанн Кронштадтский, епископ (впоследствии Патриарх) Сергей, а в рассматриваемое нами время — епископ Феофан.

На упреки о множественности у нас обрядов Феофан в одном из поучений отвечает: «Много? Чтож? Горевать от этого? В каком доме всего много, охают там от этого? Церковь есть дом Божий, и если в ней всего много по экономии, то-есть по устройению чад ее и — слава Богу! Много у нас церковности оттого, что нас много и потребностей у нас много».

Далее, Преосвященный богослов дает сокрушительный отпор лжецерковным «либералам» и отуманенным или нетвердым в вере мирянам. Делает он это с предельной ясностью. «Обязанность всякого христианина веровать так, как верует вся Церковь от начала ее и доселе, ее голосом — поверять всякое свое или чужое соображение... Святая Церковь семью спасительными источниками благодати обильно питает и напоет всех приходящих к ней». Дав проникновенное разъяснение таинств: священства («которое есть верх таинств благодатных»), покаяния и св. Причащения (как дающих благодать оправдания и освящения), он пишет: «по принятии благодати возрождения и обновления духа, верующему предстоит труд, и труд долгий и прискорбный, во всю жизнь облегчить душу и тело, совсем освободить от худых наклонностей и страстей, а на место их водворить добрые расположения, чтобы сделать их храмом Троиственного Бога, по обетованию Спасителя».

Что «обряды человеческого происхождения» Феофан не отрицал, конечно, но разъяснял, что «для нашего труда в деле спасения необходимо быть в живом союзе с Церковью, исполнять ее обряды, учреждения и порядки, так как все они целесообразны и верно направлены к соделанию спасения всеми верующими». Никакими ухищрениями нельзя опровергнуть того бесспорного положения, что все уставы, обряды и каноны Церковью устанавливаются в точном соответствии с наставлениями Иисуса Христа о делах благочестия, изложенными Им в Нагорной проповеди. «Человеческое происхождение» оказывается в данном случае предуказанным Спасителем.

Обрядностью тяготеют ленивые к вере; искушители соблазняют их, нашептывая (в устной и письменной формах), что православие «отелесено», «оплотнено» обрядами, якобы в противоречие с положением: «Бог дух есть, и иже кланяется Ему, духом и истинною достоин кланяться». Феофан, подкрепив свои доказательства многочисленными житейскими примерами, убедительно показывает, что под видимым в Церкви непременно предполагается невидимое, духовное. Всякий обряд и «чин» церковный — двусторонен; одна сторона его — существо, сущность, вторая — внешняя, так сказать — духовно-техническая. Существо и назначение всякого обряда и богослужебного чина — «ряд духовнейших молитвословий, возносимых к Богу. Через всякий «чин» и обряд верующий вступает в общение с Богом. Но ведь, мы люди, как существа плотские живем во времени и в пространстве. И все наши внешние действия совершаем в свое время, в надлежащем месте и в известном порядке. Всякий обряд и чин неизбежно включает внешнюю сторону — видимые действия и положения совершающих их — внешнюю обстановку обряда и чина; обстановку, соответствующую духовному значению совершаемого. Отношение внешних действий и положений к духовному существу Феофан справедливо уподобляет проволоке (внеш-

нее), ведущей к электрической батарее (существо). Ток (действие Господней силы) действует через провода. Внешнее одухотворяется внутренним, духовным существом.

Даже в таком «телесном» обряде, как посты, сущность глубоко духовна. Отказ от некоторых видов пищи имеет глубоко-духовное содержание: покаянное сокрушение, смирение (как средство борьбы с порочными наклонностями) и отказ от чрезмерного плотугодия, загрязняющего душу, ослабляющего волю. В материальной помощи остро нуждающимся и беспомощным (что на церковном языке называется милостыней и нищелюбием — в широком смысле) внешние проявления духовной своей сущностью имеют внутреннюю настроенность к милосердию по заповеди Господней, во славу Его.

Конечно, говорит Феофан, надо Богу служить духовно, но ведь надо прежде поупражняться во внешнем и, достигнув Божией волей, духовного, «необходимо поддерживать и оживлять духовное опять тем же внешним, подобно тому, как жар печи поддерживается подкладыванием дров. Таков порядок в Церкви Божией». Ничего и говорить, что великие угодники жизнью своей ярко это подтверждают.

И, наконец, Феофан ставит решительный вопрос: можем ли мы пользоваться благами спасения как-либо мысленно и соделывать свое спасение лишь духовно? И столь же определенно отвечает: «если для нашего спасения Бог, Чистейший Дух, благоволил воплотиться, жить на земле и действовать телесно, то как же можно нам, естественно — телесным, соделывать свое спасение бестелесно и духовно? Господь благоволил духовные блага, стяжанные Им, заключить в вещественные сосуды — Божественные таинства и пользоваться ими повелел телесно, через видимые, Им же самим через Апостолов утвержденные посредства: благодать возрождения принимать через погружение тела в воду, благодать общения с Господом — через вкушение Тела Его и Крови. И, кроме того, все сокровища благодатные приемлются через тело».

И в заключение Святитель Феофан говорит: «Так слава Богу, что в Церкви всего много!» Всего спасительного много и — ничего «лишнего» нет и быть не может!

В своих бессмертных «письмах», как и во множестве ученых трудов Преосвященный Феофан, как блестяще охарактеризовал Никандр, епископ Нарвский (на траурном собрании Петербургского общества распространения религиозно-нравственного просвещения), дал «для каждого, можно сказать, возраста духовного, для каждой степени образования свою духовную пищу, свою науку, свое духовное учение, начиная от млека до твердой пищи, от азбуки духовной жизни до высшей мудрости духовной, доступной уже только совершенным».

Общую оценку значения трудов Вышенского затворника можно дать словами того же епископа Никандра. У Феофана — говорил он — «каждый может видеть — что такое духовная жизнь и как на нее настроиться. Может видеть, и в то же время крайне изумиться, как сам он (читатель) далек был от понимания... духовной жизни. Может видеть и понять, какая существует громадная разница в качественном отношении между духовным состоянием невозрожденного человека, а потом — и возрожденного, но заглушившего в себе действие благодати Божией своей жизнью и поведением, живущего по веку мира и властвующего всяким ветром учения [подчеркнуто у Никандра. — И. Ш.], — и внутренним состоянием того, кто вступил на путь покаяния и действительного исправления жизни, кто отдался призыву и воздействию на него благодати Божией».

Подготовленных он призывает к высшим формам Богообщения — подвижнической степени. Но духовная опытность подсказывала Святителю, с какой большой осторожностью нужно советовать принятие выс-

ших, духовных форм жизни. В этом отношении епископ Феофан стоит очень близко к Преподобному Серафиму Саровскому. Как и Саровский прозорливец, Феофан знал (и внушал), что очень часто жизненные обольщения и страстные искушения, которые, казалось, угасли вовсе у мирянина в его обычной обстановке с невиданной ранее и непредвиденной силой обрушиваются на того же человека, когда он начинает аскетический подвиг (например, затвора, молчальничества и проч.). Начатый с горячим порывом, но без достаточных, весьма постепенных духовно-телесных упражнений, подвиг может окончиться срывом и тяжким нравственным (а иногда, сверх того и физическим) надломом. «Могий вместити, да вместит» — это, конечно! Но самому человеку свойственно добросовестно обманываться в степени готовности «вместить». Феофан категорически запрещает принимать подвиги благочестия, без прямого совета и указания опытных духовных отцов-старцев. Вообще же Феофан советует в таких случаях не тогда предпринимать аскетический подвиг, когда захочется его принять, а когда всеми силами души и тела почувствуешь, что не можешь, не хватает сил его не принять.

* * *

Заветная мечта автора — этой статьей возбудить у духовенства, интерес к чтению и изучению трудов Преподобного Феофана и использованию его драгоценного духовно-литературного наследия для проповеднической работы и внебогослужебных собеседований, групповых и — особенно — индивидуальных.

Наша отечественная Церковь в лице Феофана имела одного из вдохновеннейших выразителей высокого духа церковной жизни, духа, составляющего самую сущность Церкви. В лице Феофана Русская Церковь имела талантливейшего проповедника таких форм духовной жизни, следование которым является могущественным средством воспитания лучших гражданско-общественных и нравственных качеств в современном поколении русских людей: людей высокой морали, честности, героического общественно-полезного труда и доблести на поляхсправедливой воинской брани.

Очень правильно было сказано на страницах «Церковного Вестника» (№ 4 за 1894 г.): «Труды Святителя составят эпоху не только в развитии православной богословской науки, но и в нашем общественном развитии [в смысле — истории русской церковно-общественной мысли. — И. Ш.]. Имя его, можно быть уверенным, не угаснет с его кончиной, а напротив, с поднятием духовного самосознания в обществе будет приобретать все больше известности и славы, как имя великого духовного просветителя, умевшего давать ответы на самые насущные вопросы духовной жизни».

Действительно, верующие православные люди не должны забыть и не забудут таких людей, как Феофан, который по словам одного из биографов (протоиерей М. И. Хитров, «Преподобный Феофан», изд. 1905, стр. 197) «в брэнном земном сосуде сумел отразить нетленную красоту нашего рода, кто умел увлекать и уносить души и сердца людей в высшую духовную сферу, чьи дела носят печать истинной духовности».

Профессор И. Н. Шабатин (Никита Волнянский)

Из жизни наших епархий

Из Минской епархии

ЖИРОВИЦКАЯ ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ И ЖИРОВИЦКАЯ ОБИТЕЛЬ

В прекрасной живописной местности Барановичской области, в 10 км из районного города Слонима и в 12 км от Слонимского железнодорожного вокзала, находится местечко Жировицы. Оно напоминает деревню, но пользуется в северо-западном крае нашего Отечества большой известностью. Здесь находится великая святыня православного белорусского народа — Жировицкий мужской монастырь.

В монастыре находится с давних времен прославленная многочисленными чудесами икона Божией Матери, именуемая «Жировицкая». Из года в год сюда стекаются тысячи богомольцев со всех концов края, чтобы помолиться пред святой иконой Жировицкой Божией Матери и получить утешение и ободрение.

Чтобы лучше понять, чем является Жировицкий монастырь для православных жителей Белоруссии, надо посетить этот монастырь в день его годовых праздников. Эти праздники бывают: 7 мая (20 мая по нов. ст.) — день явления чудотворной иконы Божией Матери и 15 августа (28 августа по нов. ст.) — день Успения Божией Матери. В эти дни вы увидите тысячи измученных дальней дорогой богомольцев. Вы их увидите в храме коленопреклоненными и на обширном дворе монастырском горячими слезами радости и горя, орошающих сырую землю. Их непрерывные божественные песнопения нарушают даже тишину ночи.

Основание Жировицкого монастыря относят к XV веку. Оно тесно связано с явлением в это время здесь чудотворной иконы Божией Матери. Сам чудотворный образ небольшого размера. Он как бы высечен из камня и заключен в золотую оправу. Икона находится в богато украшенном киоте. На иконе изображен лик Богоматери, держащей на руках Предвечного Младенца.

Чудотворная икона находится в главном Успенском храме. Помещается она на великолепном иконостасе византийского стиля, на левой стороне у Царских врат. В зимнюю пору, когда богослужение совершается в теплом Никольском храме, торжественно переносится туда и святой образ, где помещается на иконостасе левой стороны Царских врат.

В дни годовых празднеств во святой обители из храма святой образ износится с крестным ходом на двор монастырский, где под вековыми липами совершается торжественное благодарственное молебствие с акафистом пред чудотворной иконой Жировицкой Божией Матери.

На месте явления иконы была устроена деревянная церковь, куда торжественно перенесена эта святая икона. Вблизи выстроенного деревянного храма пространство постепенно заселялось — и это местечко называли Жировицы.

В Жировицах вспыхнул пожар. Сгорела и церковь. Но святая икона невредимой явилась вблизи пожарища под горкой на камне. Ее с крестным ходом перенесли в дом священника. Когда же на месте сгоревшего деревянного храма был построен новый каменный, икона попрежнему заняла свое место. А на горке, месте явления св. иконы после пожара, был построен другой храм, и на камне, на котором явилась икона, устроена престол.

Шли века... Монастырь приобретал себе незыблемую славу. Он и сейчас является твердыней православия в Западном крае нашего Отечества.

В XVII веке, в несчастную годину образования унии, Жировицкий монастырь был захвачен униатами. Но и от перехода святыни в руки неправославных не померкла слава чудотворной Жировицкой иконы.

В 1810 г. в Жировицы было перенесено управление Брестского епископа; в 1828 г. вместо гимназии открывается духовная униатская семинария. В ее рядах были и такие питомцы, которые по духу являлись верными сынами православия. Впоследствии они усердно содействовали торжеству восстановления униатов с православием.

Вслед за воссоединением в Жировицах сосредоточилось управление обновленной Литовской церкви, а униатская семинария преобразовалась в число православную. В 1845 г., по особым видам, управление Литовской церкви и семинария были переведены в Вильно. В Жировицах было образовано духовное уездное училище, которое просуществовало до 1915 г., подготавливая кандидатов в духовные семинарии. Из жировицкой школы много вышло ревностных пастырей православия. И в Жировицкую обитель более прежнего, со всех самых далеких окрестных мест, стремился народ в огромном множестве прославлять Небесную Заступницу пред Ее чудотворной иконой.

Сейчас монастырь находится в ведении Минской епархии. В 1945 г. здесь открыты Богословско-пастырские курсы.

Ныне, благодаря усердной деятельности Высокопреосвященного архиепископа Питирима, здесь благоустроенная Духовная Семинария.

Среди других святынь монастыря, кроме чудотворной иконы, достойны внимания «источник воды» и нетленные мощи блаженного Иоакима, епископа Пинского и Туровского.

И по своему наружному виду Жировицкая обитель заслуживает внимания.

И теперь, как взглянешь с высоты холмов, окружающих святую обитель, на ее святые храмы, на куполы и шпицы, увенчанные крестами, возносящимися высоко к небу — забудешься на время и с благоговением почувствуешь, что видишь пред собою древнюю святыню земли русской, а вместе с тем почувствуешь также, как вливается в душу благодатно-радующая волна спасительных желаний...

Воспитаник Московской Духовной Семинарии А. Г. Кудюк

Из Алма-Атинской епархии

ТОРЖЕСТВЕННЫЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ

21 и 22 февраля 1948 г. Высокопреосвященным Николаем, архиепископом Алма-Атинским и Казахстанским, в г. Чимкенте, Южно-Казахстанской области, в недавно значительно расширенном и реставрированном храме, в железнодорожном районе и в церкви Центрального района горо-

да, в сослужении местного духовенства, были совершены торжественные богослужения. Архиерейское служение в храмах этого города, столь редкое и исключительное, привлекло большую массу верующих. Владыка с верующими провел беседу о таинствах покаяния и причащения, раскрывая значение этих таинств для верующего человека. Простота Владыки в обращении с верующими, истовое служение его и выдержанное в мирном тоне церковное пение настраивало молящихся.

Особенно памятно осталось служение Владыкой вечерни и чтение им акафиста Казанской Божией Матери пред Ее образом. Это служение совершалось под открытым небом при трогательном пении православных песнопений «О Всепетая Мати» (из кубанских напевов) и «Радуйся, Заступница усердная рода христианского» (из курско-коренских напевов), когда, казалось, сама природа внимала этой молитве. Простая беседа Владыки после вечерни о значении молитвы в жизни верующих еще более утвердила тесное единение архипастыря со своими пасомыми.

И. Хлопонин

ПРАВИЛА ПРИЕМА В МОСКОВСКУЮ ДУХОВНУЮ СЕМИНАРИЮ

на 1948—1949 учебный год

1. Духовная Семинария является специальным средним учебным заведением, в задачу которого входит подготовка убежденных и просвещенных священно-церковнослужителей Православной Церкви.

2. В состав Духовной Семинарии входят 4 класса, рассчитанных на 4 года обучения. Первые два класса составляют подготовительное отделение, и последние два — основное, богословское.

3. В Духовную Семинарию принимаются лица православного вероисповедания, достигшие 18-летнего возраста.

4. Для поступления в 1 класс Семинарии необходимо иметь общеобразовательную подготовку не ниже 7 классов или соответствующее домашнее образование и знать молитвы: «Царю Небесный», «Святый Боже», «Пресвятая Троице», «Отче наш»; утренние молитвы: «От сна восстав, благодарю Тя, Святая Троице», «К Тебе, Владыко, Человеколюбче»; вечерние молитвы: «Боже вечный и Царю всякого создания», «Вседержителю, Слово Отчее», «Господи Царю Небесный, утешителю, Душе Истины; умилосердися и помилуй мя грешного», «Господи Боже наш»; молитвы Божией Матери: «Богородице, Дево, радуйся», «Достойное есть», «Взбранной воеводе»; молитву Ангелу Хранителю; молитву Ефрема Сирина; молитву перед причащением; Символ веры; Заповеди Моисея; Заповеди блаженства; тропари двенадцатых праздников; тропарь своему святому; 50-ый и 90-ый псалмы. Кроме того, требуется хорошо (бегло, без ошибок в ударениях) читать по-славянски и грамотно писать по-русски. Все эти требования, вместе с письменной работой, входят в программу испытаний.

5. Окончившие первые два класса Семинарии (подготовительное отделение) получают право на занятие должности псаломщика, а также на посвящение в сан диакона — в зависимости от успехов обучения. Наиболее способные могут продолжать занятия на основном отделении до окончания полного курса Семинарии.

6. На основное (богословское) отделение Семинарии, т. е. в 3 класс, принимаются лица с общеобразовательной подготовкой в объеме 10 классов средней школы (или с соответствующим домашним образованием), а также окончившие светские высшие учебные заведения. Все поступающие в 3 класс Семинарии должны, во-первых, удовлетворять требованиям, указанным в п. 4, и, во-вторых, сдать испытания за первые два класса по следующей программе: 1) Священная История Ветхого и Нового Заветов, 2) Катехизис, 3) Церковный устав, 4) Краткая история Христианской Церкви, 5) Краткая история Русской Церкви, 6) Церковнославянский язык, 7) Русский язык, 8) Конституция СССР, 9) Церковное пение.

7. Окончившие полный курс Духовной Семинарии получают право на посвящение в иерейский сан для служения на приходе, а также могут поступать на 1 курс Академии для получения высшего богословского образования.

8. Желаящие поступить в Духовную Семинарию должны представить в ее канцелярию следующие документы: 1) прошение на имя Ректора; 2) заполненную анкету (образец см. ниже); 3) метрическую выпись о рождении или другой документ о возрасте; 4) документ об образовании; 5) справку от врача о состоянии здоровья; 6) справку о семейном положении; 7) автобиографию; 8) рекомендацию приходского священника или епархиального архиерея; 9) документ об отношении к воинской повинности.

9. Документы принимаются до 15 августа 1948 г. по адресу: Москва, 48, Бол. Пироговская, 2 (Новодевичий монастырь), канцелярия Московской Духовной Семинарии.

10. Приемные испытания будут производиться с 1 по 20 сентября. Начало занятий с 1 октября.

11. Всем учащимся выдается стипендия с первого месяца занятий.

12. Для иногородних предоставляется общежитие.

Образец анкеты:

1. Фамилия, имя, отчество
2. Год рождения
3. Социальное положение
4. Образование
5. Семейное положение: холост, женат первым браком или вторым, не был ли разведен (подчеркнуть)
6. Есть ли дети и их возраст
7. Отношение к воинской повинности
8. Домашний адрес
- Дата заполнения анкеты

СОВЕТ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

Цена 10 руб.